

ЛЮДМИЛА ТАНАСЕНКО

СЕКРЕТ

для маленькой компании

Люда Танасенко.
Дальний Восток,
Советская Гавань. 1948 г.

Людмила ТАНАСЕНКО

секрет

для маленькой компании

рисунки Люды ТАНАСЕНКО

МОСКВА
2014

УДК _____.
ББК _____.
М-_____

Рассказала: Людмила Танасенко
Выслушала и записала: Наталья Багрова
Макет сделал и книгу собрал: Виктор Луганский

на обложке –
рисунок Ильи Смолина, 1988.

ISBN _____

© Л.С. Танасенко, 2014.

моей любимой
внучке Насте
посвящается

Перелистывал свои странички.
А вдруг бы их кто-нибудь напечатал?!
С моим портретом
и ав-то-гра-фом?!..
Попала бы моя книжка
в лапки какой-нибудь
девочке в зеленом платье...
Села бы она у камина
с моим сочинением, читала бы,
перелистывала бы и улыбалась...

Саша Черный. «Дневник фокса Микки».

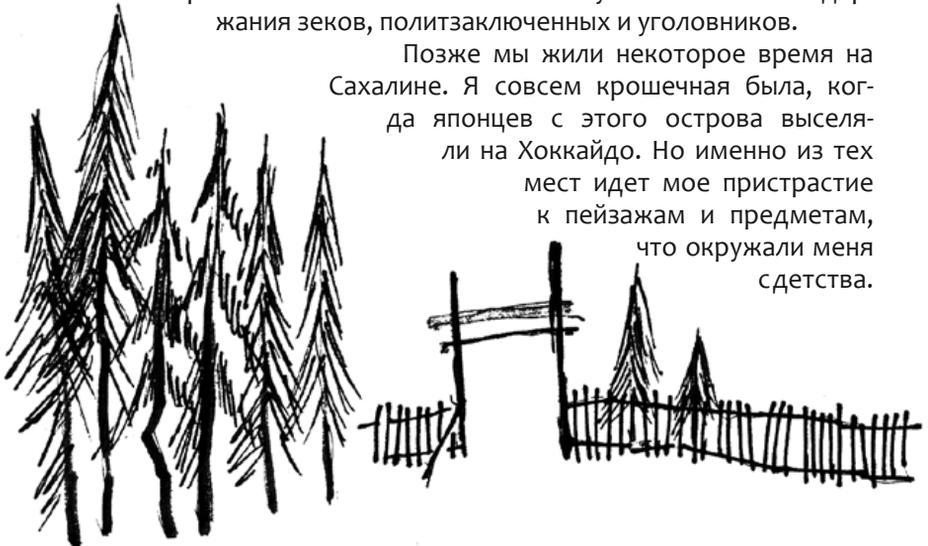

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Для меня и моего брата Жени особой страницей в жизни стал Дальний Восток, где прошло детство.

Наш папа, Танасенко Сергей Владимирович, был аристократом духа – сдержанный на слова, никогда не-пьющий, не-курящий, не-выражающийся нехорошими словами спокойный человек. Еще до войны его, морского офицера, перевели из Одессы в город Советская Гавань в Татарском проливе, где он стал начальником секретного отдела штаба, через который шли все шифровки, тайные донесения. Руководить такой службой, да еще в тех краях, было непросто: напряженные отношения с японцами, доклады в Москву, землянки, лес. К тому же порт Ванино и Советская Гавань служили местами содержания зеков, политзаключенных и уголовников.

Позже мы жили некоторое время на Сахалине. Я совсем крошечная была, когда японцев с этого острова выселяли на Хоккайдо. Но именно из тех мест идет мое пристрастие к пейзажам и предметам, что окружали меня детства.

Святая вера в зайцев

Мой брат родился в 1937 году в Одессе и захватил еще мирную жизнь, я же появилась на свет в 1944 году, в конце войны, уже в Совгавани. Когда наша семья приехала туда, вокруг была тайга. Мимо высоких лесов к дому командующего вела трасса, по бокам которой стояли бревенчатые дома, казавшиеся монументальными – с крыльцом, высоким цоколем. В них жили со своими семьями офицеры. Помнятся проволока какая-то, воинская часть. И папа, идущий из штаба по этой дороге.

Папа всегда говорил, что на пути с работы домой ему навстречу из леса все время выбегает один заяц и предлагает для меня гостинец. Это мог быть и хлеб, который отец за ужином искусно нарезал, поясняя: «Это – от зайца! Вот выскакивает каждый раз, ныряет под колючую проволоку и передает для тебя!»

Помню, как я (в красном плюшевом пальто с капюшоном) сижу на камне (уже смеркалось) и внимательно смотрю на лес (вокруг – гигантские деревья!), на проволоку колючую и на дорогу – когда же заяц выскочит? Зайца все не было, но в конце дороги появлялся папа, который подходил со словами: «Не знаю, что-то он сегодня не вышел! У него там какие-то семейные обстоятельства, наверное. В следующий раз!» И я свято в это верила...

Наш дом был разделен на две половины: одну занимали мои родители, в другой жил какой-то генерал со своей женой, лицо которой никак нельзя было назвать благородным. Это была дама в капоте, облегающем ее весьма пылкую грудь, на которой лежали опущенными вниз обе ее ладони. Так она и ходила. При этом генеральша говорила слово «атюх» (в смысле «утюг») и, в случае непредвиденных обстоятельств, могла выть, как сирена.

Симпатичный эпизод

Из лесных цветов мы видели, в основном, саранки – маленькие оранжевые лилии в черненькую конопушку, до сих пор самые любимые. Но было у нас в огороде и несколько маков, которые росли, естественно, как декоративные цветы (выдерживали местный климат). Сорвав сухие маковые коробочки на высоких стеблях, мы бегали как-то по двору, сражаясь ими, как маленькими саблями, и бросили потом на землю.

Утята генеральши наелись, видимо, этих маков, и начался «падеж скота»... Генеральша, взвывая, как сирена перед артобстрелом, прибежала к моей бабушке, доложила, что весь двор усеян трупами и упростила прийти на ее территорию и взглянуть на это!

Бабушка сложила безжизненные тельца в большой таз, накрыла его марлей и поставила на крыльцо (наверное, заметив мак, поняла, что это не просто падеж). Вскоре из таза донесся писк, марля заходила ходуном, и показались головки жертв... Радости не было предела! Особенно – генеральши! Мы, естественно, не чувствовали за собой вины, ведь все закончилось благополучно.

Над нашим двором кружил, бывало, коршун, высматривая гулявших там цыплят. Жила тут и курица по кличке Цыганка (так ее назвала бабушка), которая совершенно не хотела ни размножаться, ни нести яйца, ни сидеть, как все порядочные куры, на насесте. Была она пестренькая, невзрачная, жилистая, с маленьким гребешком – настолько смелая, что не боялась даже коршуна.

А двор – это вырубка из леса, потому что вокруг – тайга. Стружки от строительства дома были свалены в кучу, где соседский пес по кличке Мушкет, похожий на овчарку, прятал кости. Цыганка же за ним подсматривала...

Чистой воды мультипликация!

Я действительно наблюдала сцену, когда Мушкет (счастливый!) нес, крадучись, данную ему генеральшей сахарную кость на огороженную досками мусорку со стружками. Рядом стоял покосившийся от дождей серый дощатый забор. Озираясь по сторонам, пес положил кость рядом и быстро-быстро лапами вырыл ямку. Потом опять оглянулся, уложил туда кость и засыпал ее. Он был счастлив, что сохранит это сокровище!

В это время в разошедшихся досках забора был виден кусочек гребешка и желтый глаз, пристально следящий за всеми его действиями. Затем это чудовищное существо обогнуло забор, остановилось рядом с Мушкетом

(у того опустились хвост, плечи...), и нагло, в его присутствии, Цыганка оторвала лапами ту кость, делая вид, будто клюет ее. Эта кость была нужна ей, как собаке пятая нога, но она хотела Мушкету продемонстрировать!

Если прилетал коршун, петух загонял своих кур под высокое крыльцо, сидел там и трясся от ужаса. А маленькая, тощая Цыганка выходила на середину двора, выправив грудь колесом и закинув назад гребешок. Коршун камнем падал вниз, чтобы кого-то успеть схватить, но курица вступала с ним в единоборство. Дралась клювом и крыльями!

Это была настоящая битва. Мы все стояли и смотрели на эту картину, как замороженные. Коршун не выдерживал и улетал. Только тогда петух вылезал из-под крыльца... Моя бабушка Цыганку обожала! Курица была полная эмансипе!

Я верила в то, что мир вокруг – совершенно потрясающий, и все вокруг братья и сестры: Мушкет, курицы, Цыганка, все-все-все! Так случилась еще одна удивительная история в моей жизни.

Как я была цирковым предметом

Мы, дети, гуляли между соснами (я – все в том же плюшевом пальто) и вдруг увидели настоящих медведей! Оказалось, что приехал на гастроли Московский цирк. Цирковых медведей посадили на цепи, прикрепив их к деревьям.

Увидев настоящего медведя (видимо, это был крупный медвежонок), я пришла в такой восторг, что, распахнув руки, пошла к нему, обняла за шею, прижалась и стала целовать. Дети вокруг с ужасом глядели на меня. Зверь повалил меня на землю и стал, урча, катать под лиственницами – по корням, иголкам. Помню его, нависшую надо мной морду...

К соседней лиственнице была прикована огромная медведица, которая, почувствовав опасность для своего чада, стала рычать и рваться в нашу сторону. Все могло пло-

хо кончиться, если бы кто-то из ребят не побежал к моей маме:

«Вашу Люду медведи катают по земле!»

Мама – в чем была – примчалась к месту происшествия. В ужасе от увиденного, схватила меня за край пальто и оттащила по земле от медвежонка. Дети все так и ахнули!

Так как мальчишек, чтобы играть в футбол, вечно не хватало, брат мне (маленькой такой!) приказывал: «Матвей (так он меня звал), стой на воротах и не пропусти гол!» Мальчишки среди деревьев гоняли мяч, а я стояла, как пригвожденная, потому что никому не хотелось быть вратарем.

Если пройти через тайгу и спуститься вниз со склона, то открывался роскошный вид на море и сопки вокруг. На склоне была вырыта землянка, где жили матросы, сушили свои портянки и, может, охраняли стоявшую там полузатонувшую баржу, в тени которой прятались камбалы, так называемые «гლოსики», которые умудрялись лежать целой стаей друг на друге (будто блинчики на тарелке) и покрывались такими же пятнышками, как дно. В воде плавали большие креветки, которых сейчас называют королевскими, а там они именовались «чилимы». У них бусинками торчали черненькие глазки, топорщились усики и половина туловища была прозрачной – совсем, как у Ци Бай-Ши на известном рисунке тушью. Эти полупрозрачные креветки над камбалами так вот – хлюп-хлюп-хлюп – по воде! Еще там водились дальневосточные

бычки («боцманы», кажется) – пучеглазые страшилища с гигантской головой, маленьким туловищем, с хвостиком и зубами, как у варанов с острова Комодо, они были все в пятнах и с шипами.

И вот Женя (брату было лет тринадцать, мне – шесть) поставил меня на ту баржу и сказал: «Матвей! Стой с удочкой и следи за поплавком! Как зашевелится – тащи!» Дальнейших указаний не последовало. Впервые в жизни мне было поручено ловить рыбу. Стою. Вдруг что-то там зашевелилось. Брат мне велел: «Дергай!», ну я и тяну. Но я же маленькая! А баржа под углом стоит: нос кверху, а корма на берегу в песке. И как я это вытащу? Стала пятиться назад – вниз по палубе. Удочка моя едет, едет, и на конце ее вдруг показывается гигантский бычок! А дальше что делать? Этого мне Женя не объяснил, хотя сам был опытный рыбак. Не выпуская удочки из рук, я развернулась и двинулась домой: держу ее, как странник узелок, через плечо, за мной тянется леска с уловом. Пока поднималась в гору и брела через лес, тот бычок телепался по земле. Когда пришла домой, он был весь, как в панировочных сухарях, замотан в хвойные иголки...

Сверх-сокровища

Конечно, созерцание такого пространства – дорогого стоит! Когда цвел багульник и сопки становились сиреневыми, розовыми – это было необыкновенно! Потрескивали сосны со смолой, по ним прыгали бурундуки. Родники, валежники. Мох, из которого торчали, помню, тонкие паучьи усики с висевшими на них какими-то удивительного цвета шариками...

Там же возникла и моя любовь к стеклу, когда однажды заболела коклюшем. Я буквально заходилась кашлем, было жаль себя, испытывала я и какие-то слегка возвышенные чувства... В таком вот состоянии бродила по уже слегка тающему снегу, засыпанному сосны чуть ли не до уровня середины деревьев. Из-за влажности возникал наст – непробиваемый слой белого, блестящего на солнце снега, по которому можно было ходить. Это была потрясающая красота!

Любила я также сидеть под крышей дома и смотреть на сосульки. Там нарастали такие сталактиты и сталагмиты – прозрачные, хрустальные, высотой с полметра! В них можно было найти собак, лошадей, домики, людей. Я часами могла разглядывать эти восхитительные наросты льда.

Последствия дальневосточных созерцаний

И теперь, когда вижу стекло с толстым дном (например, вазу), у меня возникают самые теплые чувства к этим предметам. Выбирая стаканы в магазине, всегда ищу, где самое толстое дно. С трудом выбрасываю стеклянный стакан, который разлетелся вдребезги, а дно осталось, потому что оно такое красивое и его еще можно где-то использовать... До сих пор не могу расстаться с одной мозаикой – осьминогом, сделанным мной в шестидесятые годы из разбитой стеклянной двери кинотеатра «Россия».

Вспоминаю свои игрушки. И по сей день не знаю, из какого они материала – гуттаперчевые? В любом случае, они имели качество, которое сейчас, увы, не встретишь. Сплошная химия. А то был достаточно жесткий, звонкий материал. Из него был сделан мой большой селезень с темно-зеленой лоснящейся головкой. Глазки, лапки, каждое перышко – как настоящие! Его можно было запускать в таз и получать огромное удовольствие. Тот селезень был явно привезен с Большой земли.

Моя замечательная мама

Папа хоть иногда летал в командировки в Москву, а мама тринадцать лет прожила в тех местах безвыездно. Многие жены не выдерживали, бросали все и уезжали. Работать было невозможно: оставлять детей одних в доме в тайге (с периодически убегающими зеками, облавами в лесу) было опасно.

В юности мама работала бухгалтером. Медицинское образование, к сожалению, получить не успела, хотя это было мечтой всей ее жизни. Смелая, решительная, мама могла бы стать хирургом. Даже не имея медицинского образования, она несла знания в массы, пытаясь каким-то образом распылить их вокруг себя.

Мама растила меня удивительным образом. Зимой выставлялось во дворе деревянное корыто (выдолбленное из целого ствола), туда укладывалась гигантская шуба (папе, наверное, выданная военная овчина), а в нее – я, запеленутая в одеяло и накрытая марлей, чтобы снег на меня не падал. Часто сверху, в метель, нарастал снежный сугроб. Мама на кухне что-нибудь готовит и смотрит: если пар из сугроба на корыте идет, значит все в порядке – я сплю.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды какая-то громадная свинья не пришла чесаться об это корыто, а я распахнулась, и она ухватила меня за руку. Мама в три прыжка оказалась на улице с горячим противнем с пирожками в руках (секунды решали дело) и плюхнула раскаленным металлом по свинье! Та, хрюкая, отбежала назад, и из пасти ее вытащилась моя рука (в будущем – «гениального художника»!)... С тех пор я спала в огороде, где все время мечтал оказаться пес Мушкет, так как там разгуливали куры, которых он обожал гонять (чтобы они верещали и переваливались через забор, пытаясь от него спастись).

Иногда мама носила меня на осмотр к знаменитому в тех краях доктору Ципичеву, у которого за плечами была ветеринарная плюс Военно-медицинская академия. Этот генерал-майор медицинской службы лечил всех – и женщин, и мужчин, и детей, а также все их части тела. Доктор Ципичев слыл страшным матершинником, и когда он читал профилактическую лекцию для женщин о том, как нужно за собой ухаживать, многие из них, краснея, выскакивали пробкой из помещения, так как он считал в порядке вещей называть все своими именами.

Во время детских осмотров, приближаясь ко мне, доктор Ципичев указывал перстом всем мамам (трясущимся, худосочным и нелюбящим этот Дальний Восток): «Вот так должен выглядеть нормальный ребенок! Наталья Владимировна идеально воспитывает свою дочь! Видите: у нее на лице блин круглый загоревший. Значит, девочка

получает солнечные ванны и прочее». Мордас у меня, действительно, был загорелый. Так что маме большое спасибо за прогрессивность ее взглядов.

* * *

Первые уроки композиции я тоже получила от мамы, которая всегда в каком-то волшебном свете рассказывала мне про тайгу. Когда мы гуляли по лесу, она говорила: «Люда, посмотри – какая красота! Будто

фея обронила свой платок, расшитый бриллиантами, и вот он здесь, лежит во мху. И красненькие ягодки брусники – словно драгоценности!» А это была просто паутина, на которую крупными каплями выпала роса, но она и вправду напоминала расшитый бриллиантами платок. И я была уверена, что там, в лесу, действительно бродят настоящие феи...

Несмотря на отдаленность и пребывание в столь жестких краях, мама умудрялась вносить в нашу жизнь праздник. Мануфактурная бедность была такова, что слянявчики мне шились из белых чехлов папиной военной фуражки (надевались на фуражку, знаменуя приход лета). Из дна этих старых чехлов мама искусно выкраивала по кругу слянявчи-

ки, пришивая к ним маленькую бабочку или цветочек. Вещи, интерьер приходилось фантазировать из имеющегося и украшать их как-то. Купить это было негде.

Помню окно нашей гостиной. Точно напротив росла большая сосна. На окне у мамы висели две занавески, которые расходились, образуя треугольник, и в нем точно по центру стояло это дерево.

Мама пекла красивейшие торты (кто там этим занимался?)! Она взбивала венчиком яйца, выпекала настоящий бисквит, из сэкономленного от пайка масла делала крем. В бутылке у нее заранее были

засыпаны сахаром какие-то ягодки. Имелся у нас и некий запас агар-агара (японские водоросли, о которые в военных частях солдаты ноги вытирали). Сушеные, эти волокнистые, как мочалки, водоросли хранились в шитом мешочке с каким-то японским иероглифом. Из брусничного сока и агар-агара мама делала желе, разливая его малиновыми кружочками в блюдца. Торт намазывался белым кремом, и поверхность его теперь напоминала лист бумаги. Края посыпались бисквитными сухариками. Я сидела и смотрела заворожено, как создается красота...

Потом мама делала из бумаги фунтик, куда накладывала крем (никаких шприцов, естественно, не было). Фунтик застегивался английской булавкой, чтобы из верхней части этого кулька не вылезал крем. Кончиком ножа мама делала две дырочки – одна потоньше, другая потолще (как в графике – не надо все одной линией делать), и начиналось таинство! Она вырезала из желе на блюдец, например, большую восьмиконечную звезду, поддевала ее ножом и клала на белое поле. Потом вырезала красивые углы и раскладывала их. Затем на звезде (порой это были рог изобилия с высыпавшимися из него цветами или какая-нибудь завитушка из того же мармелада) мама наносила из фунтика сеточку, ставя в уголок каждой ее ячейки толстую капельку. Потом рисовались цветочки, розочки какие-то, причем мама явно следила за композицией: чтобы середина не очень выпирала и углы ее поддерживали (как в работе над эскизом платка или орнаментом).

Затем она говорила: «Видишь, Люда, торт готов. Но он какой-то слепой, в нем чего-то не хватает, нужно еще что-то добавить», – и приносила загадочную бутылку... Когда папа летал в командировки, она иногда заказывала ему купить черной смородины и привезти ее, засыпав сахаром (это были заготовки для кондитерских шедевров). Выбрав самую крупную ягоду, мама укладывала ее в центр той звезды, на каком-то цветке, по углам, и при этом добавляла: «Вот теперь совсем другое дело! Он заиграл!» Она подходила к созданию торта, как настоящий художник!

Когда вечером на скромный ужин или какое-то торжество приходила офицерская компания, и мама на квадратном японском столике с гнутыми ножками, обсыпанном перламутровой крошкой, выносила свой шедевр, то раздавались аплодисменты, и все говорили: «Как же к вам приятно приходиться в гости! Мы как будто побывали на Большой земле». Потому что никаких кондитерских там (за тридевять земель!) не было...

Не знаю, откуда в маме было чувство прекрасного? Думаю, это внутренняя одаренность. Она была талантливым, сильным человеком, ни перед чем не клонила голову, всегда шла навстречу людям.

Жили-были...

Мама – третья дочка у своих родителей. Дед Владимир был на тридцать четыре года старше бабушки Марии Ильиничны, взяв ее замуж девятнадцатилетней. До этого он уже был трижды женат, но все браки оказались бездетными. И только бабушка родила ему четверых детей, став крепким фундаментом большой семьи. Она занималась детьми и домом, а дед нес свое дежурство на железной дороге, отправляя поезда. Каким-то чудом долго еще стояла его ж/д будка, где он с риском для себя прятал во время войны наших матросов, давая им свою одежду. Был он лихим и сильным человеком: в семьдесят с лишним лет делал гимнастическую оттяжку на поручнях идущего поезда!

Первый знак войны

Во время войны немцы бомбили, в первую очередь, стратегические объекты, места скопления людей. Но существовал приказ высшего начальства: немецкие самолеты не сбивать, терпеть до последнего, так как это было со стороны немцев как бы провокацией. Однако когда во время первого налета на Севастополь над вокзалом завис немецкий самолет, какой-то артиллерист не выдержал и сбил «Мессер», врезавшийся прямо в здание вокзала. Так для Севастополя началась война.

Семья деда жила в Севастополе недалеко от железнодорожного вокзала на улице Лагерной. Во дворе их каменного дома стояла беседка, увитая лозами винограда. Дом примыкал к скале с пещерами естественного образования, в которых дед хранил всякий инвентарь, во время налетов одна из пещер служила семье бомбоубежищем.

На самолеты, летавшие над головой, дед не обращал внимания, говорил, что «немцев всех он в гробу видал!», и не прекращал заниматься строительством, считая его самым полезным и мирным делом.

«Когда цветет акация»...

Во дворе дома росло много акаций – роскошных, тех самых белых, что воспел Исааком Дунаевским в его знаменитой оперетте. Когда это дерево цветет, вокруг разносится дивный медовый запах, и почти каждый цветок полон гудящих пчел. Отцветая, акация покрывает всю землю ароматным белоснежным ковром. Дед, естественно, подметал двор и, чтобы сразу не возить это добро, складывал его в мешки, задвигая их в пещеру. Мешков накопилось немало, в войну это помогло спасти жизни: бабушка в ступке толкла пестиком эти цветы, что-то туда добавляла и пекла блинчики.

Бабушке крепко в этой жизни досталось. Двух дочерей она потеряла еще до войны. Остались только моя мама и младший сын Павлик, работавший на военном заводе – мастер высочайшего класса, умница. Наверное, он потом ушел на фронт. Не помню.

Марию, жену Павлика, бабушка однажды просто спасла. Немцы делали очередную облаву на молодых особ: оцепили какой-то рынок, и всех прогоняли через ограждение, отбирая молодых женщин. Бабушка измазала невестке лицо грязью, обмотала ей вокруг головы свой платок, и ту приняли за пожилую женщину.

История эта случилась, как понимаю, в уже оккупированном немцами Днепропетровске, куда был ранее эвакуирован мой дед. К нему и направлялись пешком бабушка с невесткой, таща за собой коляску на деревянных колесах с привязанной к ней швейной машинкой – единственным сокровищем.

Каким-то чудом бабушке удалось найти деда в больнице. И здесь – очень трогательная деталь: дед был аскет, сдержан на слова, уж не знаю, каким образом он донес до моей бабушки свои эмоции, чтобы ее, такую молодую, на себе (годившимся ей в деда!) женить? В любом случае, в бесконечных комплиментах и признаниях любви он замечен не был. И вот на той больничной койке, когда она нашла его, совершенно распятого, седого, глубокого старика, он вдруг в полубезысшии сказал, что единственная женщина, которую он в жизни любил, это моя бабушка...

Еще в Севастополе дед перенес на ногах, без лекарств тиф и был брошен – голым! – в тифозный барак на лежавшие там трупы. Ночью он пришел в себя, встал, нашел кусок рогожи (им был прикрыт какой-то труп), завернулся в него и, падая от безумной жажды, вышел на улицу. Единственной мечтой было – достать воды. Так и шел он, обернутый рогожей, по дороге, пока не наткнулся на сочившуюся из земли водяную струйку. Долго ждал, пока вода накапает в найденную рядом плоскую, а когда поднес ее к губам, та вдруг упала и разбилась. Дед, бедный, от огорченья чуть не заплакал, но нашел в себе все же силы дойти до дому, где его встретила на пороге бабушка. Могучего склада был человек!

* * *

Бабушка в церковь не ходила, но в бога верила. При ней всегда находилась иконка Николая Чудотворца (сейчас у меня – маленькая, в серебряном окладе), которая дважды спасла ее во время войны. Бабушка носила ее, как раньше говорили, за пазухой. Однажды, во время бомбежки Севастополя, просвистел снаряд и упал у нее за спиной, но не разорвался. Второй раз она пробежала по лестнице, и совсем рядом пролетел осколок (обжег ей даже щеку), который воткнулся за ней в деревянную дверь, пришив к дверям клочок ее волос. Но бабушка осталась жива.

Моя любимая внучка Настя родилась в день зимнего Николая – третье чудо!

* * *

Не знаю, как сложилась бы судьба моих родителей, если бы папу еще до войны не перевели в Советскую Гавань. Сразу после войны они нашли бабушку в Днепропетровске, по их просьбе ее привез из командировки какой-то матрос. Приехав к нам, она стала заниматься по хозяйству, воспитывать нас, как могла, и очень помогала маме в той трудной таежной ситуации, а было этому изящному существу тогда всего пятьдесят лет.

Как она была внимательна к нам с братом! На старых фотографиях можно видеть свидетельства этой ее любви. Всеми доступными способами старалась скрасить нашу жизнь, чего только не придумывала! Варила шербет с какими-то орехами, делала из агар-агара желе, взбивала в чашке гоголь-моголь (помню даже вкус и вид тех лакомств)... Это была такая роскошь на небосводе бесконечного снега и трескучей тайги!

В тех краях необходимо было иметь хоть какое-то хозяйство: ни магазинов, ни рынков там не было. Поэтому мы завели поросенка Ваську. Бабушка ухаживала за ним и с уважением говорила: «Васька такой чистоплотный! Никогда не ляжет на грязное». А Васька нетерпеливо ждал появления бабушки: даже копытцами становился на ограждение и смотрел на нее влюбленными глазами – ну прямо персонаж из

мультипликации! Больше всего на свете он любил, когда его поливали из лейки водой. И бабушка не ленилась чуть не каждый день доставлять ему это удовольствие.

Были у нас и курицы, которых гонял Мушкет, и огород, и Пушок, о котором скажу ниже. Бабушка никого не забывала. И как со всем справлялась?!

* * *

Бабушка Маня любила все красивое. Любой рисунок, слепленные фигурки она опускала в недра своего фибрового чемодана с металлическими углами и заклепками и хранила там, искренне всем восхищаясь. Читала бабушка и предметы японского быта. В ней было явно заложено творческое начало, которое – в силу жизненных обстоятельств – не смогло быть реализовано. Я неоднократно склоняла ее позже к рисованию, порой успешно: по моей просьбе она сделала несколько рисунков.

Через годы

В мои наезды (в уже зрелом возрасте) в Севастополь, когда я сидела за столом и что-нибудь лепила или делала нечто рукотворное, самым большим наслаждением для бабушки было помочь мне («Люда, можно я хотя бы клею буду мазать?»). Я горячо благодарила, а она, как ребенок, радовалась каким-нибудь украшениям, которые я иногда ей неожиданно дарила...

С удовольствием бабушка ассистировала и моему брату Жене при печати фотографий: опускала их в раствор, сидела с ним в затемненной комнате у красного фонаря. Она совершенно в это погрузилась!

Самозабвенно любила она потом и моего сына Илью. Когда тому было года два с половиной, они часто сидели вдвоем за большим уютным столом – во что-то играли, собирали конструктор (первые лего), смотрели картинки, рисовали (при этом бабушка утверждала, что она рисует лучше) и т.д. «Илюшка, – говорила она, – когда тебя выписали из роддома, у тебя во лбу помещался один палец, а глазки маленькие, сощуренные – как мышь из дрожжей!» Илья начинал «закипать»: «Маня, я тебя предупреждал: иди на кухню и греми там своими кастрюльками!» Баба Маня млела... «А когда капюшон наденешь и идешь гулять, ну чисто игумен!» – продолжала она. Нервы у Ильи сдавали, а баба Маня глядела на него с восхищением и нежностью...

Не в каждой семье это принято, но у нас было заведено, что мы с бабушкой были на «ты», и я ее кратко называла «Маня». Мало того, я и маму называла Натой, а к отцу обращалась «Серж» или «Сережа». Мне это нравилось, а они все терпели, и это очень сближало в отношениях.

По дороге в Ванино

Я была маленькой, но этот эпизод остался в памяти на всю жизнь. У папы была машина Додж. Офицерским женам иногда разрешалось съездить в Ванино за покупками. И вот матрос за рулем, я, Наташка Изопольская (моя сверстница и подруга) и наши мамы. И мы едем.

У железнодорожного переезда Наташка вдруг, посидев на коленках обеих мам, выдает неожиданно резюме, чьи мягче... У матроса за рулем уши стали красного цвета, и он на переезде замедлил ход.

Помню: на фоне темной тайги – зеки, серая масса изнуренных людей в ушанках, окантовавшая до горизонта с обеих сторон железнодорожное полотно. Они сыпали лопатами щебенку. Их было много, но вдруг все побросали лопаты, и раздался дикий крик! Матрос наш врубился, и тут мы увидели, как на огромной скорости прямо на нас мчится паровоз, за ним – черный шлейф дыма. Не знаю, какими усилиями, но нашему водителю все же удалось перевалить через полотно, и поезд пронесся мимо. В машине стало темно от дыма. Это был какой-то ужас!

Страшным воспоминанием осталась и встреча с заключенными...

Переживания Пушки

Не забуду и возвращение из той поездки домой. Дорога шла с вышением на сопку, где стояли наши дома и была тайга. Там, наверху, у нас жил замечательный пес по кличке Пушок. Лайка или нет – не знаю, но хвост – бубликом, с пятнышками, с этакой полу-лисьей мордочкой собачка. Мы его обожали.

У Пушки было два больших переживания. Первое: ровно в полдень раздавался гудок: УУУУУУ!!!! Его врубали, видимо, подобно пушке в Петербурге. Пушок не выдерживал, садился посреди двора, вытягивал вертикально вверх морду и выл точно так же: УУУУУУ!!!! Поволчыи. Нервы у него при этом явно сдавали.

Второе: он любил ходить с моим братом Женей в баталерку, но...

Что такое баталерка

Здесь выдавали скромные военные пайки, в том числе молоко. Последнее замораживали в тазах, вытряхивали, и можно было получить в паек тазик молока – сверху белый (там плавало пожирнее) и прозрачный на дне (внизу молоко было голубое, и мы с братом, как мороженое, ложками его скоблили). В баталерке продавалось также нечто скромное типа серых ржаных макарон (купить их было великим счастьем!). Ни конфет, ни чего другого мы там вообще не видели. Но и война ведь только недавно кончилась.

Интерьер баталерки был крайне беден, но среди эмалированных кастрюль на тоскливых полках я вдруг впервые увидела удивительную игрушку – плюшевого белого медведя! Потрясающей скульптурной формы, с легким горбиком на спине, он был туго набит опилками, лапы его вращались. Каким-то чудом этот (уже музейный!) раритет жив у меня по сей день!

Брат свистел и говорил: «Пушок, пошли!» И тот был счастлив, что Женя берет его с собой, ведь надо спуститься с горы и что-то там приобрести. Однако на пути к баталерке возникало препятствие

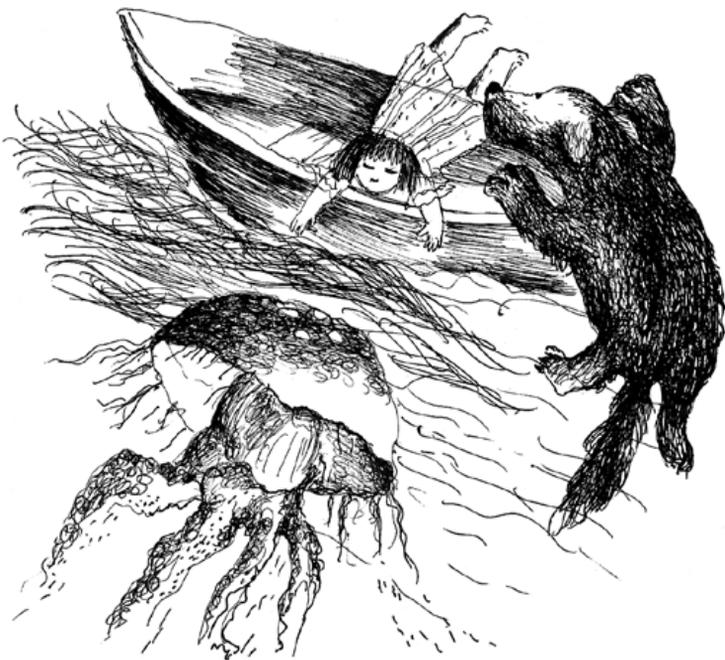
– соседний дом, где жили некие Линденберги со своим гигантским черным псом, которого все считали идиотом, хотя это был хороший, породистый пес.

О ньюфаунлендах и медузах

Что он ньюфаунленд, никто не догадывался, потому что таких собак в этом краю не выдвали и, естественно, не знали, что этот пес-интеллектуал способен по команде (или без) броситься в воду, чтобы спасти тонущего человека.

Однажды родители катались с друзьями и со мной по бухте. Гигантские океанские медузы, случайно заплывшие на мелководье (в диаметре до 80 см, синие, коричневые, с белыми крестами на спине, с фиолетовыми и оранжевыми оборками, огромными щупальцами), плавали в воде. Когда такая медуза подплывала под лодку, раздавался грохот, лодка сотрясалась. Моему восторгу не было предела, и я бросилась с лодки в пучину! Мама, привычно намотав подол моего платья на руку, держала меня, как на привязи щенка, а я двумя руками в воде чуть ли не обнимала медузу.

Ньюфаунленд, увидев это, бросился с берега в воду и поплыл к нашей шлюпке. Все с ужасом поняли, что это чудовище полезет в нее и будет катастрофа! Сопя и крихтя, пес подплывал к нам, создавая вокруг себя волну. Женщины закричали! Забросив лапы за борт шлюпки, ньюфаунленд так накренил ее, что она зачерпнула воду. Новый пассажир не только влез в лодку, но стал еще и отряхиваться! Все чертыхались, пытаясь выпихнуть его назад. Не тут-то было: пес чувствовал себя героем и считал свою миссию спасателя выполненной. Потому его и считали идиотом: не каждая собака так поступает.

Ньюфаунленд ложился около дома мордой (громадной! квадратной!) к той самой дороге, на которой я высматривала зайца, поджимал по-львиному одну лапу и неотрывно смотрел туда, где Пушку требовалось пройти, сопровождая моего брата. Завидев его, ньюфаунленд бросался на дорогу, и начиналась жуткая драчка. Распрямив от ужаса хвост, Пушок нырнул под проволоку и мчался в тайгу, где скрывался от преследователя. Тот пес просто не давал ему прохода!

В результате Пушка все же посетила гениальная мысль. По бокам дороги были вырыты кюветы, и он стал ползать по-пластунски по дну канавы, перебирая лапами, но забывая опустить хвост. Ньюфаунленд видит следующую картину: дорога, по ней катится белый бублик собачьего хвоста... Пес смотрел, смотрел, не выдерживал, срывался и мчался туда. Пушок из последних сил выскакивал из кювета, нырнул под колючую проволоку, куда не мог пролезть его преследователь, и скрывался в тайге...

Через некоторое время нервы Пушка не выдержали (нужно было все время выть на гудок и бегать от ньюфаунленда), и он исчез (видимо, кто-то приютил).

Когда мы возвращались в тот раз из Ванино и уже подъехали к подъему на сопку, вдруг раздался громкий лай и к нам на руки влетел в машину Пушок, который стал всех целовать-целовать, лизать-лизать! И мы его тоже обнимали, целовали и говорили: «Пушок, пойдём домой!» Он проехал с нами немного и также внезапно из машины выскочил. Не смог себя пересилить, несмотря на душераздирающее свидание. Что он узнал – машину, какой-то запах? – не знаю, но ту встречу никогда не забуду.

Наш и не-наш Сахалин

Году в 1946-м папу перевели на Сахалин. Понятно, что остров был наполовину наш и не-наш. И вот это не-наше, выигранное в ходе войны, освобождали от живших там японцев, выселяя их в 1946-1949 годах на Хоккайдо и другие острова. Местные жители сетовали, многие из них плакали, желая остаться.

Теперь мы жили в Корсакове. Когда русские здесь появились, японцы пребывали в полной растерянности. Офицеров расселили в их дома. Нам выделили дом, где прежде жил, видимо, какой-то состоятельный японец. Вместо того, чтобы бегать и скупать все подряд, что делали тогда приехавшие после тайги или еще

откуда жены офицеров, мама принялась, в первую очередь, приводить в порядок жилище. До нас там проживал один офицер, который в качестве подставки под сковородку с яичницей использовал японский столик – старинный, с идеальными пропорциями, инкрустированный перламутром (на нем мама позже подавала свои торты)...

Это было классическое японское жилье. На полу лежали циновки. Посреди комнаты был очаг с коваными принадлежностями, где подвешивались котелки и чайники. По бокам очага, будто крылья, лежали две каменных плиты с лунками: одна для приготовления рыбы, вторая – для мяса. Когда мама чистила рыбу, то сбрасывала все отходы в горящий огонь. И готовила на этом очаге. Огонь был прямой, поэтому потолок был закопчен. Когда мама его горячей водой отмыла, то оказалось, что он инкрустирован разными породами дерева в виде летящих аистов, деревьев. Все потом, потрясенные, любовались им. Мама отмыла также циновки и все остальное.

Комнату обрамляли раздвигающиеся двери с маленькими спаленками на одну или две циновки. Последние делались с учетом роста японцев и были какой-то модульной вещью, которая укладывалась точно в размер спален. Для сна использовались тяжелые одеяла из шерстяной ваты (мама потом утепляла мне ею пальто, отчленяя слой ваты и пришивая под подкладку). Уходя в свою комнатку, каждый брал с собой туда маленькую жаровню с горящими угольками. Под голову ставилась жесткая скамеечка. А утром все снова встречались в общей комнате.

С появлением «наших», как понимаю, в тех краях начались кражи. А там с этим строго: могут и руку отрубить, поэтому не воруют, все открыто. Когда обнаружилось воровство, люди стали в японских домах ставить европейские двери. Какой-то японец подрабатывал тем, что до отъезда на Хоккайдо приходил к нам и делал двери. Мама варила борщ или еще что-то и всегда его угощала. Она вспоминала, что когда наш работник ел, у него на лбу выступала испарина, и он все повторял: «Мадам, юриси! Мадам, спасибо!»

Это был классический японец, в кимоно. Как он заглядывался на меня! Видимо, я и там являла собой некий эталон. К тому же масть моя такая (темненькие волосы, необычный разрез глаз), что очевидно наличие восточного налета,

по поводу чего маме в шутку говорили: «Наталья Владимировна, если бы Вы Люду родили не в Совгавани, а в Корсакове, то Вы бы никогда не оправдались!»

Сначала тот японец подарил мне корзину из бамбука (бабушка в ней меня катала, как на санках). Затем – детское кимоно, гета (традиционные деревянные сандалии) для маленького ребенка и носки с одним пальцем (диво дивное!). Еще он принес мне (наверное, чтобы играть) длинную коробку, где были разложены полоски шелковых, креповых шарфиков, которые японцы подкладывают под ворот кимоно, меняя каждый день, чтобы к кимоно не прилипали пот и грязь.

Так формируется вкус

Орнаменты упомянутых японских шарфиков вошли в мое сознание до такой степени, что до сих пор люблю точечки, незаметные крестики, граненые пчелиные соты, очертания хризантем или сочетание точечек с крестиками, которые мы часто встречаем на японских кимоно. Это их многовековые национальные орнаменты, особенно в тканях.

Можно понять, откуда у японцев столь изысканные вкусы: матрицы скульптурных форм, сосудов, изделий из бамбука, вееров, орнаментов передаются из поколения в поколение и существуют до сих пор. Не говоря об изысканнейшей каллиграфии, культуре ремесел. Созерцание красивых пейзажей, рыб, растений, раковин – вот истоки! Без них не обойтись.

Когда, видимо, настал день их отъезда, японец прибежал, весь взмыленный, к маме и подарил ей коробку хороших духов, которых было совсем немного (флакон в виде стеклянного дракона). Он что-то, извиняясь, при этом говорил, но это был явно драгоценный для его семьи предмет, и ему хотелось сделать маме приятное.

Были в тех краях, конечно, отливы-приливы, и все население, задрав кимоно за пояс, выходило по мелководью собирать каракатиц и трепангов, вдруг краб какой зазеваается или рыба в луже лежит... Все это складывалось в корзинки, и на следующий день торговля на рынке вспыхивала более активно. Мама ходила на рынок, стараясь купить там все же что-нибудь более европейское. Но рыб и морепродуктов было особенно много. Торговцы делали из бумаги кульки, в которые запикивали всех этих тварей с вываливающимися щупальцами.

Маме повезло увидеть, как ловят осьминогов. Очень остроумно! Они обожают залезать во всякие дырки, поэтому рыбаки, выходя на джонке в море, стравливают в воду трос, к которому привязаны керамические горшки. Когда этот трос вытаскивают, то в каждом горшке сидит по осьминогу.

* * *

Японцы делали прекрасные горжетки из лисьего меха. У мамы была одна такая – с большой лакированной черной прищепкой (лису

заводили вокруг шеи и прищелкивали), по нижнему краю горжетки, будто ягоды какие, висели обтянутые шелком бомбончики. У лисы были вставлены стеклянные глазки (совсем как живые!). Это было истинное произведение искусства.

Во время описываемых событий японцы выпустили черно-бурых лис из питомника (нечем, наверное, стало кормить), и те, голодные, бегали по городу. Одна из них залезла через окно к папе в штаб и носилась там, как одержимая. Матросы лису поймали, накормили и отпустили.

А порт перед отъездом был весь завален кимоно, фарфором, пиалами. Видимо, то, что отъезжавшие не могли взять с собой на корабли, они просто бросали...

Пацанское житье на Сахалине

Брат мой ходил в японскую школу и до сих пор вспоминает феноменальные наглядные пособия в той заурядной школе – искусно выполненные чучела птиц, морских животных, рыб, волков, рысей, уток и всего прочего. Набитые какими-то морскими волокнами, они стояли в учительской и показывались детям на занятиях.

У Жени в классе учился даже один японец. А на переменах наши мальчишки, конечно, пугали японских девчонок, которые были в соседних классах.

Зимой ребята ходили кататься с горки на санках, бегали на лыжах – широких, типа охотничьих, чтоб не проваливаться в снегу. У папы тоже были такие, и когда он на Новый год ходил в лес елку рубить, то сажал меня на плечи, а брат Женя легко скользил по снегу рядом – тоже на лыжах.

Местные пацаны были всегда легко одеты: курточка коротенькая, штаны. Никаких шапок зимой, только классическая повязка на лбу. У них, правда, текли сопли ручьем (все время шмыгали носом). И многие были в очках.

Брат до сих пор не может простить себе некоторые детали своего пребывания на Сахалине, связанные с храмами, которые стояли здесь на каждой сопке. Они были деревянные, их украшали драконы с развевающимися гривами и нефритовыми глазами, вставленными в дерево. Черепица храмов была из морских гребешков, ракушек, и на них лежала патина, от дождя зеленая, это было потрясающе красиво!

В тех храмах в коробочках с иероглифами хранился прах предков (там принята кремация). Пацаны наши бегали к этим храмам, и некоторые мальчишки, не зная, что внутри тех коробочек лежит, футболили ими. Думали, пыль какая-то летит по ветру... Брат рассказывал: «А японцы стоят, смотрят и молчат. Хоть бы раз нам дали подзатыльник! Да и как они смогли бы объяснить нам, что это такое?»

Зачистка территории

Потом все храмы исчезли. Наши их, видимо, убрали. Мои друзья, побывав в Корсакове, доложили после поездки: «Ни одного храма на горе! Последнее японское здание, переделанное в Дом офицеров, и то под вопросом сноса».

Брат говорит, что степень аккуратности и отношения японцев к природе просто потрясали! В лесу было ощущение, будто там поработали уборочные бригады: весь выметен. И это при той ситуации! А у них метелочки к поясу привязаны, и когда японец через лес идет (иголки осыпались, палочки валяются), он раз-раз-раз – в совочек все и в какой-то мешочек за кимоно ссыпает. Потом этими иголочками-палочками, возможно, жаровню в спальне растапливает. Везде порядок. Даже подросток это заметил.

* * *

Лет в тринадцать брат впервые влюбился. В японку, которую до сих пор считает самой необыкновенной и самой красивой женщиной, которую ему доводилось видеть.

На сопку, где все катались на лыжах, приходила одна прелестная особа, которая была там старше всех (ей было лет семнадцать). Все пацаны-японцы перед ней стелились. Она царственно съезжала (с таким бледно-оливковым лицом!), и была удивительно прекрасна! Как

вспоминает Женя: «Стоял у подножья горы и неотрывно смотрел на нее, не смея подойти. Она скатывалась на санках, мальчишки тащили их снова наверх. Она опять скатывалась...» По этой реакции брат понял, что она и для них – богиня!

Офицер был прав!

В бесконечном количестве Женя носил домой найденные им какие-то винты, гайки и прочее, погружая эти богатства в недра ящика своего японского письменного стола. Маму это настораживало, но один из офицеров успокоил ее: у мальчишки, который этим интересуется, непременно будет креативное сознание, из него выйдет толк. Что и подтвердило время: брат стал инженером по подводным сооружениям. У него более ста изобретений и даже лежит «на дне сундучка» проект искусственного острова. Работая, он бесконечно обращал свой взор на просторы Сахалина, Корсакова...

Брату, конечно, повезло: он был старше меня и, естественно, более сознательно погружался в окружающее, успел многое увидеть, наблюдать. Это он с восторгом описывал мне позже храмы и черепицу из створок морских гребешков. Слушая однажды радиопередачу о префекте какого-то округа, Женя сказал: «Не мой ли однокашник, тот японец?» Все совпадало – возраст, имя.

До сих пор у него о тех краях самые теплые воспоминания.

Отпуск

В какой-то год папе предложили санаторные путевки во Владивосток. И меня, маленькую (лет пяти), взяли с собой. До этого я никуда никогда не выезжала.

Владивосток, по сравнению с Совгаванью, показался столичным городом. Нельзя сказать, что он находился далеко, но это была иная долгота, там царил субтропический климат, росли помидоры и многое другое, чего я никогда в жизни не видела. Город окружали поросшие багульником и травой сопки – необыкновенное пространство!

Стоп-кадр

Сохранилось в памяти: мама и папа – молодые, счастливые, с друзьями, с которыми они, видимо, вместе отдыхали в санатории. Спуск красивый, на нем лежат родители на каких-то симпатичных махровых полотенцах. У папы белая крепдешиновая рубашка, растянутая у ворота. Мама в своем прелестном бирюзовом в точечку платьице с фонариками и подплечниками. И они поют популярную тогда песню «Помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела!»

Солнцем все засвечено. Птицы сойки – невероятной красоты! У сойки особое крыло – оно состоит из черненьких, беленьких и бирюзовых ярких перышек и напоминает шашечки такси. И вот эти сойки – с куста на куст. И эта песня. И когда я ее порой сегодня слышу, сразу встает перед глазами та картинка – с запахами, солнцем, со всеми милыми подробностями...

В том оазисе находился и военный санаторий, куда направили родителей. Меня же следовало сдать в детский сад.

Помню здание санатория – с белым балконом и колоннами. Там были клумбы, огороженные стручками какой-то акации, которых я наелась, приняв их за нечто съедобное, в результате чего мне стало дурно, и эти стручки вытрясали из меня, взяв чуть ли не за ноги.

А когда меня засунули в детсад, там начались вообще печальные страницы моей жизни. Я, дитя тайги и прерий, вдруг оказалась в режимном месте, где нужно слушаться воспитательницу, где родителей не видишь, а мама прибегает тебя навестить лишь вечером, где тебя заставляют есть какие-то блины с жидким медом, налитым в тарелку (до сих пор их терпеть не могу!)...

В дверную щель мелькнуло бирюзовое платье мамы, и мне так захотелось ее увидеть! Так было одиноко! А воспиталка говорит: «Ты никогда в жизни не увидишь свою маму, если не съешь эти блины с медом! Ешь, я тебе сказала!» И я этот блин макаю, слезы градом капая в тарелку, а мед кажется густым, хоть и жидкий... Она опять: «Ешь, а то маму не увидишь!» Это был какой-то ужас!

И я выходила на балкон, садилась. Камни, дождь – тропический совершенно, косой, как в японских фильмах. Люди прыгают с камня на камень под дождем, а я сижу на балконе, через дырочку смотрю и жалостно так говорю: «Тетенька, скажите, Вы не видели мою маму?»

В общем, о детсаде у меня не самые теплые воспоминания.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

После окончания в 1951 году службы на Дальнем Востоке отцу предложили на выбор три города: Москву, Ленинград и Севастополь. Родители остановились на последнем, так как в Одессе жила мама моего отца, и папа считал нужным быть к ней поближе, чтобы помочь.

Путешествие на поезде от Совгавани (туда мы снова вернулись после Сахалина) до Одессы, куда мы сначала должны были заехать, – путь, мягко выражаясь, неблизкий: одиннадцать тысяч километров. Ехать предстояло девять суток, причем мы так приспособились к жизни на колесах, что мама умудрялась даже мыть меня в купе.

Помню, как поезд шел по тоненькой кромке над Байкалом. Какие были кругом пейзажи! Все, конечно, льнули к окнам, любясь этими просторами, и мечтали о приближающейся станции, где можно будет купить экзотическую копченую рыбу – байкальского омуля. На станции пассажиры выскакивали гирляндами покупать этих омулей, а потом их плотоядно поедали, сидя в своем отсеке или купе, благо, что в пути еще долго было нечего делать.

Поезд медленно двигался вперед. Мама была в халате таком красивом. Незнакомые мужчины, затягивающиеся папиросами и выдыхающие дым в раскрытые окна. Трепет занавесок, многозначительные взгляды... Можно было подумать, что это безгранично долгое путешествие на каком-то лайнере. Но, в то же время, и обалдеть можно было за ту долгую дорогу!

Когда подъезжали к Москве, мама говорит: «Вот и Подмоскowie!» Увидев внизу крыши домов, я возразила: «Ну где же «под»? Мы же «над» этим едем!» Тогда я никак не могла понять, что такое Подмоскowie...

Москва проездом: Марат Исаакович Хенкин и его выдающаяся роль в судьбе нашей семьи

Поезд прибыл в Москву. Это было первое мое знакомство со столицей и друзьями родителей – семейством Хенкиных.

Именно Марат Исаакович познакомил моих родителей. 1935 год. Маменька с подружками гуляла по Приморскому бульвару в Севастополе (очаровательные спортивные фигурки в беленьких носочках и парусиновых тапочках на шнурках, покрашенных зубным порошком; платица полотняные; коротко стриженные волосы). Со слезами на глазах чувствительные девушки наперебой обсуждали гибель

самолета-гиганта «Максим Горький», который недавно разбился в Москве. Погибло много людей. Трагедия всей страны.

Группа юных морских офицеров, в их числе Марат Исаакович, сидела на лавочке на так называемом круге, который окантовывал центральный фонтан, и пристально наблюдала за барышнями. Так как «дело было вечером и делать было нечего», зоркий глаз Хенкина присмотрел из прогуливающих девушек одну прелестницу, нашел способ подойти, представиться и переброситься парой фраз. Офицерам сказал: «Эту девочку – не трогать! Это – для Сержа!»

Вернувшись из командировки, отец был приглашен в парк, где Марат их познакомил. За что ему сердечная благодарность! Та барышня стала моей мамой, и я появилась на свет.

Забавный эпизод

Эллочка, жена Хенкина, приехала в Севастополь к мужу, бросив из-за безумной любви институт в Ленинграде (надо отдать должное, видимо, чарам Марата Исааковича). Они поселились на Владимирской горке в высоком доме (я улыбаюсь сегодня, проходя мимо него), окна которого выходили на бухту, где швартовались корабли.

Все офицеры Черноморского флота, естественно, обязаны были нести на кораблях вахту. А так как Эллочка была юной и неопытной матерью, все время трепетавшей над своим маленьким сыном Юликом, то они с Маратом договорились: в случае какой-либо опасности, она вывешивает на балконе на прищепках красную ткань (с материалами было туго, и для этих целей имелись чьи-то красные трусы).

И вот однажды, глядя с корабля в бинокль, Марат Исаакович вдруг видит эту трепещущую ткань и понимает – в доме ЧП! Взяв под козырек, он просит у капитана отпустить его ненадолго на берег, взмыленный, прибегает домой (полотно все еще трепещет на балконе) и кричит: «Эллочка, что случилось?» Жена, всплеснув руками, говорит: «Марат, ты знаешь, у Юлика понос...»

Вот таким очаровательным образом протекала гражданская жизнь в Севастополе.

Ко времени описываемых событий Марата Исааковича уже перевели в Москву, и теперь они жили на Старом Арбате в Староконюшенном переулке, где Эллочка, уже повзрослевшая и не так кудахчущая над Юликом, но заботящаяся о семье, вела, что называется, приличный дом.

У Хенкиных в коммуналке была огромная комната, видимо, в прошлом гостиная. Меня поразило то, что все семейство высаживается за большой стол, маменька их выставляет баночки с самодельной простоквашей, накрытые салфеткой и чайной ложкой, и каждому дается по яйцу всмятку. Это был слегка чопорный, но очень милый и трогательный завтрак. Марат Исаакович, по старой юношеской привычке, называл моего папу «Серж», папа говорил ему «Марат».

Многочисленные соседи Хенкиных были различных вероисповеданий и устремлений. В коридоре стояли велосипеды, сундуки, шкафы с зеркальными стеклами. Это было царство каких-то разных интересностей, красот и фактур! После тайги видеть подобное было для меня настоящим потрясением! Особенно меня занимал шкафчик со стеклянными дверцами (горка) в интерьере у соседки Хенкиных, про которую в коридорах шептались, что тетя Клава спекулянтка (у нее можно было купить неведомое в то время верблюжье одеяло и другие незнакомые мне предметы). С пышным бюстом и большой попой, одетая в байковый халат, она иногда заманивала меня к себе в гости. Приходя к ней в комнату, я, как замороженная, стояла у горки, где на стеклянных полках были выставлены сокровища, от которых у меня голова шла кругом! Это были фарфоровые фигурки поросят с хрюшкой и утки с утятами, раскачивала головой какая-то барышня, стояли веером в стаканчике ложечки с красивыми ручечками. Я за счастье почитала, когда эта соседка за наше недолгое пребывание там приглашала меня к ней войти!

* * *

Запомнился случай, как мы ехали на легковой машине по Арбату и Марат Исаакович, наклонившись, тихо сказал отцу: «Серж, посмотри! Все окна, выходящие на Арбат, следует держать наглухо закрытыми». Папа выразительно глянул на него: хоть он и вернулся со службы в тайге, но прекрасно все понял. Марат Исаакович добавил: «Арестовать могут даже за открытую форточку!». Эта фраза запомнилась. В юности, в чьих-то мемуарах, я об этом прочитала. Вспомнила – мурашки по коже!

Смутно всплывают в памяти какие-то музеи, визиты и даже концерт, город очень красивый, другая жизнь – столичная, овеванная иными ароматами...

ОДЕССА

Первым в Одессу приехал мой брат Женя. Нужно было закончить школу-семилетку, а в Совгавани такой не было. Какой-то матрос, будучи в командировке, отвез его к бабушке. Мы ехали за Женей и повидаться с родными.

Одесса – еще одно потрясение! Особенно поразила белая акация, сквозь листву которой светились невиданные тогда неоновые огоньки-трубочки зеленые – надпись над входом в магазин. Листва тоже светилась, что казалось неким запредельным театральным действием. Оперный театр, походы в парк Шевченко, военный оркестр (в белых перчатках!) исполнял в ротонде марши («Прощание славянки» и другие). Дамы с сумочками, в шляпках дружно гуляли по аллеям со своими возлюбленными, сидели на скамеечки, слушали духовой оркестр. Никто никуда не спешил. Продавали шары на ниточках, мороженое... И я с маменькой и папенькой там гуляю.

Одесский Привоз, увешанный плюшевыми скатертями и покрывалами, которые все превращали в ковры, сльвшие апофеозом «богатства»: огромные, с кистями шелковыми, по углам купидоны с попками и крыльями, высыпающие из рогов изобилия розы в центр ковра. Через всю барахолку несся голос Шульженко – «О голубка моя!»

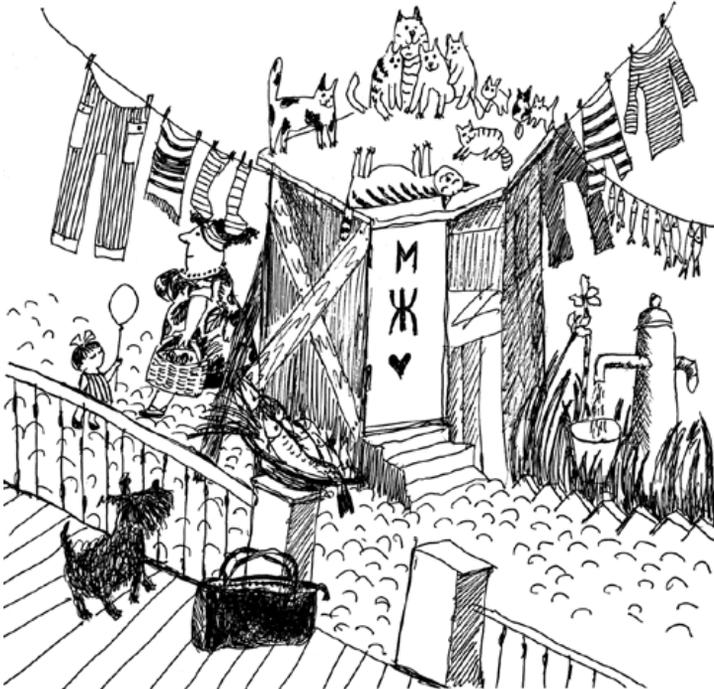
Надо отдать должное вкусу моей мамы: ни одного такого ковра не купила, но приобрела скатерть (видимо, индийскую), которую посадила на подкладку, срезав с двух сторон кисточки. Получился темно-синий шелковый ковер с красивым орнаментом. Когда я болела, бесконечно его рассматривала.

Одесский дворик

Двор, где жила бабушка, был до отказа населен и живописен. Это было традиционное одесское каре. Центральный флигель – каменный, с подворотней и ажурной чугунной решеткой, с выложенной во двор брусчаткой. В этом флигеле (кажется, на третьем этаже) находилась квартира бабушки, имевшая увитый виноградом кружевной балкончик, нависавший над двором.

К этому дому сходились буквой «П» три корпуса, построенные из легкого камня и соединенные добротными деревянными верандами, по которым можно было пройти от одной соседки к другой. Внутри двора вели лестницы. Напротив каждой квартиры стояла деревянная табуретка с примусом или керогазом, где готовили еду роскошные дамы с густыми черными волосами, заколотыми шпильками, с более чем выразительными полными фигурами в сатиновых сарафанах, украшенных пионами или ромашками величиной с большую тарелку.

Вдоль веранды висела в огромном количестве рыба, которую сушили на зиму или чтобы пойти выпить пива. Здесь готовились скумбрия и «синенькие» (так на юге называют баклажаны), пахло жареным луком, все обменивались рецептами. При этом можно было услышать: «Изя, иди немедленно домой есть рыбу, а то мама будет сердиться!»

В центре двора находилась колонка, чтобы брать воду (водопровода не было), и стоял сортир с двумя буквами, куда бегали жильцы всего дома-каре. Двор, будто новогодними гирляндами, был увешан веревками, на которых трепетало самых всевозможных расцветок белье – тщательно зашитое, незашитое, матросские штаны, тельняшки, все вперемешку. Это была сплошная фактура трепетания!

Гнездилась на этом дворе и целая куча котов, которых обожала одна старушка, имевшая их штук двадцать. Коты валялись везде – на сортире, на верандах. В одной из квартир жил маленький черный собачонок (типа скотч-терьера), которого я обожала! Я садилась на балкончик моей бабушки и будто из ложи театра с восторгом наблюдала за тем, что происходит внутри двора, включая театр военных действий: все мечты того клочкастого собачонка, когда он утром просыпался, сводились к тому, чтобы тех котов, лежащих на сортире, под сортиром, висящих, стоящих и просящих, быстренько уконтропупить в пыль! Он пробкой слетал со второго этажа по деревянной лестнице вниз и колошматил, и гонялся, и хватал этих негодяев за хвосты. Не знаю, насколько ощутимый он им наносил урон, но бойня была – просто Куликовская битва!

Упомянутая бабушка (видно, с определенным синдромом) вылезала во двор и орала на того собачонка, заламывая руки: что делают с ее любимыми животными!!! Выбегали хозяева нарушителя спокойствия, хватали его за шкурку и запихивали в черную сумку из кирзухи, закрывая ее на молнию.

Несчастливого собачонка оставляли в сумке на веранде. У пленника при этом торчала снаружи лишь одна голова. Думаю, разрыв сердца можно получить, если у тебя только голова на улице, а все туловище застегнуто на молнию. Особенно, когда видишь этих гнусных котов, которые опять принимают солнечные ванны, но ты их не можешь настичь... Пес, бедный, выл от отчаяния. И как только его через несколько часов расстегивали, он пулей вылетал из сумки и мчался снова, что бы этих самых котов...

Жизнь в Одессе была чем-то невероятным!

Сара

В Одессе у меня появилась замечательная подружка лет десяти – Сара. Через много лет я спросила о ней. Почти весь двор оказался в Израиле. Не знаю, в таком же дружном дворике? Вряд ли.

Сара, как говорят в простонародье, была шелудивой. Наверное, был псориаз или сильнейшая аллергия. Она все время чесала локти, колени, под ребрами. Иногда, обхватив себя двумя руками. У нее были две тощие косицы, тощие ноги, колени с буграми, сарафанчик

и сандалии на босу ногу. Я же была с достаточно пышными формами, бант на голове, аккуратное платьице. Мы с ней были такие Винни-Пух с Пятачком!

Сара наклонялась, быстро-быстро-быстро чесала себе колени, потом хватала меня за руку: «Побежали!» За калитку выходить запрещалось. Мы тайно из нее вылетали (благо это не просматривалось с верхнего этажа), мчались по брусчатой мостовой мимо покосившихся в разные стороны толстых металлических столбов (к ним раньше призывали лошадей).

Свернув за угол, мчались к лавке продавца примитивных гастрономических ценностей. На прилавке из мраморной крошки стояли эмалированные емкости типа детской ванночки, где хвостик к хвостику, глазик к глазiku были уложены хамса черноморская и тюлька. Тут же были выставлены паюсная икра и маслины, на которые тогда

никто особо не бросался (покупали редкие любители). Там продавали газированную воду – два больших стеклянных конических баллона с разными сиропами, кружочек для мытья стаканов. В стакан из краников наливали сироп, добавляли газировку. Сегодня это можно увидеть только в кино.

Знойный человек (плотного телосложения, в белой курточке парварской, с железной вилкой в руке) торговал этими сокровищами. Сара, успев коленку почесать, разжимала кулачок и протягивала пятак. Он сворачивал из газеты кулек и нанизывал на вилку то, на что указывала Сара. Обычно из кулечка торчали хвосты и глазки соленой тюльки или хамсы. Сара брала кулек, хватала меня за руку, и мы мчались с ней, совершенно ополоумевшие (я была сзади как такой прицеп – плюх-плюх-плюх!), в кружевную арку нашего двора, вбегали в подъезд, ныряли под темную чугунную лестницу. Сара только успевала, закатив глаза, спросить: «Хочешь?» Я с ужасом смотрела на торчащие хвосты: после Дальнего Востока (там ели горбушу, чавычу) мне было непонятно, что это за рыба и почему ее нужно так страстно желать? Подруга, судорожно хватая рыбу за рыбой, запихивала их себе в рот (с кишками, глазами и хвостами), пока весь кулек не пустел, а с верхнего этажа не свешивалась ее полногрудая мама, которая кричала: «Сара, я знаю, что ты делаешь под лестницей! Немедленно домой!»

Золотушной Саре запрещалось есть соленую рыбу, от которой она чесалась еще больше. Это был порок. Саре давали хорошего шлепка, но она снова начинала копить пять копеек...

* * *

Приехав в Одессу, я, конечно, переняла местный сленг, акцент и когда, обращаясь к своему брату, как-то спросила: «Женя, что ты имеешь мне сказать?», услышала в ответ: «Еще слово – и по лбу получишь!»

Погостили в Одессе, проведали бабушку и, забрав Женю, двинулись в Севастополь, к новому месту службы отца.

СЕВАСТОПОЛЬ

За прошедшие после войны немногие годы город еще не успел отстроиться – руин было много. Шло мощное восстановление. По приказу И.В. Сталина город-герой восстанавливали быстро. Были привлечены ленинградские архитекторы. Много рустовки, белоснежных колонн, балюстрад, балконов... На Северной стороне, которую мы с родителями как-то посетили, откос бухты прекращался отвесным склоном с естественными пещерами, в которых обитали люди – заложив вход в пещеру стеночкой, вставляли стеклышко, вешали занавесочку и устраивались. Было живописно и странно! Будто там жили карлики.

Сохранились в городе и некоторые частные домики – белые стены, свисающий виноград, абрикосовые деревья, сиреневые кусты... Родители сняли пару комнат в одном таком домике. Отец стал служить в Штабе ВВС Черноморского флота. Через некоторое время нам дали квартиру в новом доме.

Центральная часть города лежит на холме, который кольцом окружают улицы, разбегающиеся туда-сюда, в том числе к морю. Наверху, на улице Суворова, находятся сохранившиеся старые здания, Владимирский собор, школа, дом, где когда-то жил Нахимов. Все улицы (и наша тоже) веди к храму.

Когда из школы номер один строем с барабанами выходили пионеры и шагали на демонстрацию, я была готова залезть под одеяло, потому что бравурность, показуха и общественные движения меня угнетали: не люблю ходить строем, принимать участие в массовых мероприятиях.

Мои страдания и наслаждения

В Севастополе я пошла в школу. На уроках математики не успевала открыть рот, как учительница говорила мне: «Садись, два!». А маме обо мне заявляла: «Думаете, если Ваша Люда рисует на промокашках, то станет художником?»

Лет в одиннадцать со мной случилась метаморфоза: я стала читать Диккенса. Папа после тайги не мог не насладиться подпиской на классиков и вечерами с упоением читал их. Поэтому, когда стали поступать томики Диккенса и Достоевского, они попали и в мои руки. Не знаю, можно ли сегодня кого-то заставить читать, не отлипая, с восторгом «Записки Пиквикского клуба» Диккенса!? Я же балдела от того, как слуга Сэм нанизывает одну фразу на другую: «Тратататата, сказала дама, когда извозчик переехал ее правую ногу, в то время как шел дождь, и кто-то высунулся откуда-то...». Пока доходишь до конца предложения, можно на его основе целое сочинение написать!

Это мне пригодилось на уроках русского и литературы. Маленького роста, с короной кос на голове, с казнящей указкой в руке, наша учительница рисовала (от верхней части доски до нижней) сложнейшие схемы для предложений, которые надо было составить, начиная с последнего слова. Я умудрялась добраться до самого верха! Спасибо Диккенсу.

Училась я неровно, и мама перевела меня в военно-офицерскую вечернюю школу, где были одни мужики – недоучившиеся мичмана и матросы всего Черноморского флота, базирующегося в Севастополе.

Учитель

Летом 1961 года в нашем городе открылась детская художественная школа. Принимали всех ребят подряд. Сбор будущих учеников (для знакомства) проходил в картинной галерее, куда кое-кто из мальчишек, незадолго до того побывав на море, простодушно явился в сатиновых трусах, с которых еще осыпался пляжный песок...

Обычно в художественную школу принимают лет с одиннадцати-тринадцати, и годам к шестнадцати ты ее уже заканчиваешь. Но среди поступавших было несколько переростков, в их числе и я, поэтому нас приняли сразу во второй класс. Так я стала ученицей Евгения Андреевича Кольченко.

На севастопольском небосводе он возник внезапно – поджарый, тонкий, с черными кудрявыми волосами, с торчащей в зубах небольшой трубкой, с античной монетой, привязанной к его новомодным джинсам. Этот человек обладал магическим свойством открыть тебе твою путеводную звезду. Именно в «художке» со мной случилось одно историческое событие.

Однажды я двумя-тремя линиями нарисовала на обратной стороне какого-то шкафчика любимый образ – мордочку японки (с глазами, прической, длинной шеей). Так как это была явно не девочка с промокашки (как все девчонки рисуют), а что-то необычное, то Евгений Андреевич, пробегая мимо, заметил японку и остановился: «Кто нарисовал?» Узнав, что это моя работа, сказал: «Матисс пожал бы тебе руку!» И помчался дальше. Эти комплименты ко многому обязывали.

Придя домой, я достала все японское, что было в квартире, и сочинила свой первый натюрморт, на котором изобразила синюю тарелку с Фудзиямой, деревьями и фанзами, мамин шарф из японского кимоно, хурму, перламутровый столик. Я точно перерисовала орнамент на кимоно, сообразив, что иначе получится обычная тряпка (очень верное рассуждение!). Хурму тоже изобразила со всеми подробностями. Этот декоративный, стильный натюрморт вызвал настоящую бурю восторга у Евгения Андреевича. Я поняла, что можно все и даже так, как не принято.

Из уроков Кольченко

Видя, что кто-то вдруг в натюрморте покрасил листья фиолетовыми чернилами, а на них (вместо пролетающей мухи) домик нарисовал, Евгений Андреевич искренне выражал свой восторг, ведь ученик рискнул отойти от общепринятой догмы! Да, Матисс там сделал бы синие цветы на подоконнике, а на скатерти какие-то малиновые завитушки. Но ему было слабо, взять да и сделать листья фиолетовыми! Делая такие пылкие комплименты, Учитель давал тебе тем самым фору, чтобы голова от хвалебных слов не кружилась, но хотелось сделать больше и лучше.

На этюдах в Херсонесе, когда мы вопили, что нет зеленой краски (много чего тогда не было), он говорил: «Оглянись вокруг себя. Трава растет?» – «Растет!» – «Нет зеленой краски, сорви пучок травы и потри это место. Красного нет цвета – вот тебе мак! Выходить надо из любой ситуации!»

Если мы жаловались: «Я вот испортил натюрморт...» Евгений Андреевич поступал самым беспощадным образом: подходил к тебе, склонялся (такой длинный!) к твоим краскам, выбирал самую пакостную (краплак, изумрудную зеленую, оранжевую), ставил на твоей работе крест диагональный и говорил: «Вот теперь начинай делать натюрморт. Как ты будешь это делать? Протрешь дырку – подложи туда промокашку. Протрешь еще больше дырку – наклей сверху газету или туалетную бумагу. Пойди, вымой под краном щеткой. Постирай. Достань тушь, все выкраси в черный цвет и сверху сделай графику. Любым способом, но чтобы ты выкрутился! Испорченных работ не бывает».

Учитель высоко ценил детское творчество. Считал, дети могут украсить город. «Распределил» объекты: нам было выдано по общественному зданию, которое мы могли трансформировать по своему разумению.

И вдруг случилось неслыханное: наши проекты вывешиваются на окнах и фасаде картинной галереи, где все могли их увидеть. Состоялось бурное обсуждение. Профессионалы обозвали нас «Парижской студией за два сантима», появилась статья в газете... И все же выставка дала нам огромный заряд и показала уважение, как к творцам. Проекты наши никому не пригодилось. Но акция была грандиозной!

* * *

Евгений Андреевич любил театр и считал, что изобразительное решение для детских спектаклей могут делать ученики, которые способны придумать что-то новое в сценографии, в костюмах. Отношение к нам было как к коллегам и взрослым людям, ты никогда не чувствовал себя маленьким или недоумком.

В гостях у ЕА

Дом Кольченко поражал с порога: зеленый пол (у всех приличных людей он был тогда коричневым), белые стены были разрисованы карандашами детскими каляками-маляками маленьких дочерей Учителя, причем он так трепетно относился к этим рисункам, что переносил их на кальку, чтобы сохранить. Открытые фанерные стеллажи были выкрашены в жгуче-черный цвет. Это был супер-дизайн 1960-х годов! Причем все это было сделано руками хозяйки дома. В стеллажах хранилось бесчисленное количество книг! В комнатах стояли скульптуры, лежали куски херсонесских сосудов, раковины, засушенные красивые рыбы, детали деревянной резьбы. По стенам висели на гвоздиках бусинки из раскопок в Херсонесе. На окне, распахнутом на море и бульвар, стояла мраморная скульптура. Это было, как ни у кого!

Думаю, Евгений Андреевич для его учеников – самая яркая в жизни звезда. Но у каждого теперь свое творчество, своя судьба.

Тамила

Вторым преподавателем в школе стала Тамила Степановна Мажарова – хрупкая, застенчивая, тонкого понимания, ни-грамматического-нарушения-мембраны своих учеников. Евгений Андреевич очень уважал Тамилу, несмотря на ее молодость.

Жила она в Балаклаве – городе закрытом, куда без соответствующего разрешения нельзя было попасть. Если пропуска не было, ехали на трассу Севастополь-Ялта и под покровом темноты шли через виноградник, преодолевая (иногда по чавкающей грязи) целую долину. Однажды я утопила там свой туфель и пришла к Тамиле босой. Назад возвращаться смысла не было: раз уж ты все это претерпел, стоило остаться на пару дней, чтобы порисовать, похихикать, попить чаю.

Балаклава

Необычная планировка (создавали генуэзцы и англичане), непривычная архитектура (порой в мавританском стиле), аскетичные скалы, узкий фиорд с рыбой – все это поражало воображение и мечта пробраться в Балаклаву любым способом, конечно, захватывала! В этом городе все являло собой сплошные натюрморты и пейзажи! Балаклава была музеем для многих художников, литераторов. Куприн написал о ней свой знаменитый рассказ «Листригоны», хотел там поселиться.

Дом Тамилы стоял рядом с набережной: по чугунному мостику, как по трапу, можно было с улицы войти сразу на второй этаж в их с мамой крошечную комнатку с печкой, окна которой выходили на бухту. Здесь Тамилы рисовала, писала стихи, нянчила свою маленькую дочку Олесю и писала ее замечательные портреты.

Мы ходили с Тамилы на этюды, залезали на генуэзские башни, откуда рисовали скалы, открывающие вход в Балаклавскую бухту (делать это было запрещено – стратегический объект!). Сейчас Тамилы с семьей живет в Венеции, это немного ей напоминает Балаклаву.

Визит к Яшке

В один прекрасный день меня посетило вдохновение поехать в гости к Володьке Яшке, моему однокашнику по «художке». У них была небольшая трехкомнатная квартирка на Северной стороне.

Встретила меня его мама – в декольте, на шее бусы в несколько рядов, черные кудри (настоящая актриса из какого-нибудь американского трофейного фильма!) – в тот вечер было какое-то семейное торжество. Володькин брат Миша стоял на балконе (окна квартиры выходили на бухту с потрясающей панорамой!). Папа – в кителе, с погонами. Прочитав позже рассказ Куприна «Штабс-капитан Рыбников», я тут же подумала: вот совершенно портрет отца Володи Яшке – сочетание европейской и самурайской внешности. Ну, прямо японский шпион!

У Володьки в «келье» на подоконнике горела свеча, имелось какое-то лежбище, хозяин комнаты был мил и любезен – даже в юности он знал хорошие манеры.

Хотя Володька был несколько младше нас, мы чувствовали: это – настоящий художник. На просмотрах всегда с нетерпением ждали его работ и не обманывались в своих предчувствиях. Евгений Андреевич восхищался работами Яшке и уважал его, как художника. Думаю, это был его любимый ученик.

Судьба

Яшке жизнь трепала самым жестоким образом, но когда смотришь на его севастопольские пейзажи, то кажется: ничто не омрачает его представления о ней. Даже все черно-белые работы – праздник души!

Недавно в Русском музее в Петербурге, где Владимир Евгеньевич Яшке теперь живет, прошла большая выставка его работ. Выпущено несколько альбомов, издана серьезная монография.

А тогда мы пересмотрели с Володькой все папки, папочки и папучки с тщательно собранными рисунками, распределенными по годам их создания. Я поняла: это не гордыня, не педантичность – это просто серьезное отношение к своему творчеству.

Тот удивительный вечер до сих пор – одно из самых дорогих впечатлений моей жизни.

Хождение в педагоги

Евгений Андреевич предложил мне поработать учителем рисования. Мне было лет шестнадцать, когда я стала преподавать в пятом, шестом и седьмом классах общеобразовательной школы.

Там учился мой однокашник по ДХШ Вовка Довгань. Когда я шла в учительскую с журналом под мышкой, он строил мне «козью морду»

или говорил: «Пойдем сегодня на Приморский шататься!» Я упорно делала вид, что я – педагог, он – что мы достаточно близко знакомы, а вечером вместе хихикали в «художке».

Преподавание было бесценным опытом, который мне в дальнейшем очень помог.

Евгений Андреевич заочно учился в Полиграфическом институте, время от времени уезжая на сессии в Москву, и нам всем было заповедано учиться только там! После двух лет учебы в художественной школе я уехала в столицу – поступать в Полиграф. Пришла пора Крымский полуостров покинуть.

Забор, черепица и синь (лирическое отступление)

В Крыму живописно все, и даже заборы. Они рождались, как рождается скульптура. Оказываясь на каменистом участке, людям хотелось и домик построить, и виноград посадить, и вишню, и айву, а для этого нужна земля. В Крыму она – сплошь из камней, поэтому их следовало извлечь. Так у каждого в огороде возникал курган из пористых, будто пемза, камней. На нехитром растворе из глины или земли камень на камень из них складывались заборы, замывались глиной. Они (обтекаемые, обглаженные руками со всех сторон) могли подниматься на гору, спускаться, будто Китайская стена, и были прекрасным обрамлением для домов, которые окружали.

Каждый домик имел своеобразные черты, хоть были и « типовые проекты ». Цвет моря и неба навеваает в Крыму желание купить ярко-лазурную, голубую, синюю краску и покрасить ими дверь, наличники или купить занавеску с синими разводами, васильками. Все это – с красной черепицей на крыше, которая была еще у греков, у татар и многими воспета. Черепицы накладывались одна на другую и получались выпуклые, красивые. Каждая обжигалась по-разному, поэтому и цвет их получался разным: красный, зелень какая-то, охра звонкая, английская красная, коричневый...

Крым – это слияние разных народов, разных представлений о прекрасном, это особая раскрепощенность и вдохновение из-за присутствия моря, гор, большого пространства перед глазами. Мы были влюблены во все это, полны всем и, конечно, пытались изобразить. Однако нужно все это еще суметь увидеть и донести, а любовь к этим местам остается на всю жизнь.

Многие мои одноклассники по «художке» стали замечательными художниками. Володя Довгань, Лиля и Женя Дробязины – иллюстраторы книг, Женя к тому же первоклассный каллиграф. Володя Шапошников, прекрасный иконописец и реставратор, многие годы работал на Соловках. Наташа Бендюкова, директор Севастопольской картинной галереи. Саша Бурцев, ныне директор Севастопольской художественной школы. Ира Антонова, художник декоративно-прикладного искусства, учит юные дарования. Володя Тайцлин, известный архитектор, живет в США, многие годы присылал стипендию для талантливых детей СХШ, а в городе Ньютон создал художественно-музыкальную школу, где преподавание строилось также по принципу всестороннего творческого развития детей, как в Севастополе. Виктор Зогот – директор художественной школы. Живописец Лариса Наумова – член-корреспондент Академии художеств. Список можно продолжить.

МОСКВА

Приехав в Москву, остановилась в Староконюшенном переулке у Хенкиных. Однажды услышала по радио, что в Музее декоративно-прикладного и народного творчества в переулке Станиславского показывают, как отливать керамические горшки. Помчалась туда, тем более, что это было не так далеко.

Волосатые горшки (к истории вопроса)

«Художка» наша имела обширное поле деятельности. Еще в Севастополе мы с Ленькой Потрошковым патологически увлеклись лепкой горшков. Помню, на один из праздников (День Победы или 7 ноября?) сидим мы с ним в каком-то блиндаже и копаем саперной лопаткой мягкую глину, а над нами розаны салюта взмывают к небесам, рядом плещет море... Под тот артиллерийский обстрел мы накопили глины и, счастливые, отнесли ее в школу.

В результате пришлось думать: а как с ней работать-то? Вспомнилось, что в глине есть какие-то соли (апофеоз необразованности!). Имелись, конечно, в виду минеральные соли, входящие в состав глины. Мы же всыпали в глину несколько пачек поваренной соли, намесили эту каку и стали лепить из нее горшки.

Каково же было мое удивление, когда, навестив через несколько лет художественную школу, я увидела наши произведения! Причем форма была классная – слепленная нами вручную, обтесанная ножичками и чайными ложками! Я с восторгом узнала свой горшок! Он был элегантен, с моей любимой точкой круглой на горлышке (как на японском кимоно на рукаве). Только на горшок будто кто-то натянул чулок из меха: соль проросла белыми кристаллами и вышла через поры этого неземного сосуда наружу, сделав его волосатым...

Мы были непросвещенными идиотами, но ведь в ту пору не было ни литературы соответствующей, ни времени, чтобы углубиться в технологию, потому что мы все время что-то ваяли-рисовали. Познакомившись с одним истопником, мы с Ленькой носили к нему в кочегарку наши еще мокрые шедевры. Кочегар был рад нашим визитам, потому что вечером ему одному было скучно. Он решительно

ставил горшки на лопату и запихивал их в горячую печь. Через пару минут раздавался безумный взрыв, летели ошметки и осколки.

С упорством маньяков мы продолжали постигать науку обжига, пока не дошло, что горшки нужно высушивать. Однако к той поре пришло время отправляться к Москву.

* * *

Музей оказался таким теремом начала двадцатого века с тяжелыми дверями трехметровой высоты и напоминал иллюстрации мирискусников. Поднатужившись, я открыла дверь и вошла. Походила по музею, осмотрелась: высокие монастырские хоромы украшала гигантская скульптура «Ленин в Разливе», подаренная какими-то аксакалами (нашли древний орех и из его недр вырезали). На скульптуру приходилось смотреть снизу вверх, как на колокольню Ивана Великого. На входе в музей был камин с изображением богатыря работы мастерской Врубеля.

Зам. директора музея по научной части была тогда Розанова Л.К. – дама явно хорошего происхождения, этакая Русь уходящая. Как я позже узнала, Людмила Константиновна была дочерью известного архидакона Успенского собора, обладавшего уникальным басом (свечи гасли), воспетого Куприным в рассказе «Анафема», после революции ставшего солистом Большого театра. Она сказала, что показа керамики с сегодняшнего дня не будет. Узнав о моей мечте, предложила: «У нас некому работать. Вы мне приведете зрителя в залы музея, я же поговорю с заведующим лаборатории керамики, чтобы он взял Вас бесплатно работать». Я вылетела счастливая!

Как Наташка Изопольская стала музейным зрителем и последствия сего

В Москве на Войковской в роскошном сталинском доме жила теперь семья Изопольских, с которыми мои родители тесно дружили на Дальнем Востоке (вспомните историю с поездкой в порт Ванино). Я стала бывать у них.

Глава семейства занимал солидный пост, носил адмиральские погоны и был человеком суровых нравов: бегал в пять утра в Химкинском парке и спал в роскошной спальне на набитом соломой матрасе. Его дочери Наташке это выносило мозг, но она и сама была (по тем временам) необычной особой: ходила в церковь, но иногда и покуривала, сидя на подоконнике своей комнаты.

Зинаида Дмитриевна, ее маменька, пережила блокаду Ленинграда. Так как в войну им пришлось варить гороховую кашу с табаком (разбомбили один склад, и горох перемешался с куревом),

то у нее был острый нюх на табак: где-нибудь на таможне она могла бы стать экспертом по обнаружению в чемоданах табачных изделий. Поэтому, улавливая у себя в спальне соответствующий запах, она врывается в комнату и давала Наташке «прикурить» (этакое исчадие ада в приличной военной семье!). Я Наташку, как могла, защищала.

Прибегаю я после разговора с Л.К. Розановой к Изопольским. Наташка лежит на диване и думает о прекрасном. Говорю: «Сделай доброе дело! Пойди смотрителем! Иначе меня не возьмут!» Наташка слегка поспротивлялась, но согласилась.

Так я начала работать в лаборатории керамики НИИ Художественной промышленности, которая находилась во дворе музея народного творчества.

* * *

Сотрудницы лаборатории усиленно работали над бесвинцовыми глазуриями, безвредными в быту. Производство напоминало кухню алхимика: центром композиции была громадная печь для обжига, грохочущие шаровые мельницы перемалывали ингредиенты для будущей глазури. Технологию обжига и секреты создания керамики я наконец-то освоила в совершенстве. Меня даже оставляли на ночь следить за обжигом, температуру которого я могла теперь определять на глаз. Под Новый год в этих полуостывших печках барышни лабораторные жарили гусей...

Желая освоить, как коптят горшки типа грузинских (черноватые и насквозь черные), я продолжала свои эксперименты: неся в щипцах красный, еще не остывший горшок, вылетала из лаборатории и совала его в бочку с опилками, стоявшую во дворе. Поднимался огромный черный столб дыма (будто «Юнкерса» сбили), зато горшок выходил черным – то, что нужно!

Родители высылали мне тогда скромную сумму (папа уже был в отставке) и тем поддерживали меня (честь им и хвала!). Изредка была возможность подработать. Однажды, например, мне заказали сделать из керамики одному академику модель его изобретения.

О пользе знания технологии

В НИИ Художественной промышленности проходили худсоветы, обсуждения по приему образцов для производства, и было серьезное отношение к технологии. Я очень благодарна лаборатории керамики, где многому научилась. И сейчас еще могу провести по дну чашки и диагностировать ее качество...

* * *

Пока я овладевала тайнами керамики, Наташка сидела чопорно в каменном музейном зале. В обеденный перерыв мы запирали с ней амбарным ключом гигантскую дверь, и моя подруга, налив в чашку

кофею из термоса (она без него жить не могла), карабкалась с ловкостью горной козы по упомянутой выше грандиозной скульптуре дедушки Ленина, садилась, расправив клетчатую юбку, на книгу, которую дедушка держал на коленях, обнимала его одной рукой за шею и ставила чашку с кофе на другую половину книги. Сидеть на деревянном Владимире Ильиче в холодном зале было тепло и приятно. Никто этих «порочных» композиций не видел, а нас разбирал страшный хохот!

Рассадник культуры

Приходили в музей многие интересные люди, среди них – профессор Василенко (друг Анны Ахматовой), который читал нам ее неопубликованные стихи.

Розанова не раз просила нас с Наташей помочь ей инвентаризировать фонды. Какие только богатства мы (две девчонки!) не держали в руках из этой сокровищницы! Палехские, федоскинские и прочие бесконечные шкатулки (подарки товарищу Сталину), резную кость, кольца серебряные, прялки городецкие, жемчуга в коробке... Мы с Наташкой (я ей помогала), подбоченясь, сидели в зале, она надевала по пять-шесть колец на каждый палец и, держа руку перед собой, диктовала: «Пиши: кольцо серебряное такое-то, камень такой-то...» Но нам и в голову не приходило стащить хотя бы жемчужину.

Не забывала я при проведении таких инвентаризаций и о родной художественной школе. Увидев красоту резных городецких прялок, я (может, нехорошо поступала, но не было времени перерисовывать) чистила широкий грифель от карандаша, клала на прялку бумажку и водила карандашом туда-сюда, чтобы отпечатался рисунок (эти кони городецкие!), а потом пачками отсылала все это в художественную школу. Не ленилась бегать к проводникам, чтобы передать с ними в коробках из-под масла или сигарет неудавшиеся керамические пробы и горшки из лаборатории (их можно было на помойку выбросить или разбить). Тяжело тащу и думаю: Вот Евгений Андреевич обрадуется!

А редакция находившегося в нашем дворе журнала «Художественные промыслы», видя Наташкину стройность и породистость, предложила ей демонстрировать модели с репликами народного творчества в интерьере этого музея, держась за расписанный под березу железный столб.

Через годы

Наталья Владимировна Изопольская окончила факультет искусств МГУ, аспирантуру монументальной живописи в Строгановке, стала экспертом-реставратором и исследователем техники и технологии живописи.

Вполне описанная в литературе ситуация

Мое проживание у Изопольских в роскошной трехкомнатной квартире в одночасье закончилось: кто-то из соседей настучал, и меня решили выселить из столицы за нарушение паспортного режима. Вот как это было.

Вхожу я однажды в лифт, рядом со мной – два человека в серых габардиновых пальто. Возникло необъяснимое ощущение тревоги. Оказалось, нам в одну квартиру (потом эти два серых образа я использовала в фильме, который мы ставили по Зоценко).

От молниеносного решения вопроса их остановило только то, что в гостиной на спинке стула висел мундир с соответствующими погонами. Покосившись на него, сказали: «Будем проверять все ближайшие дни, и если в двадцать четыре часа Вы не уедете, то будете выселены из Москвы!» Так я и спала с чемоданчиком у черного входа в квартиру, чтобы при необходимости сразу уйти. И такой момент однажды настал.

Подвальчик: некое обретение стабильности

На фоне полной неустроенности мне снова повезло встретить хорошего человека, тоже сыгравшего весомую роль в моей жизни – Владимира Ивановича Гейдора. Это был молодой, лет тридцати с небольшим, преподаватель Строгановки. Одно время я хотела поступать туда на керамику и занималась на вечерних подготовительных курсах, которые он вел. Мы писали натюрморты, рисовали натуру.

В такой же примерно ситуации, как и я, находилась Нина Красавитова из города, Арзамас-16. Она была дворянского происхождения, но тоже бездомная. Владимир Иванович, заметив нашу неприкаянность, сказал, что познакомит нас с ребятами-москвичами. Может быть, они нам чем-то помогут. Так он свел нас с Наташей Полторацкой и Володей Троицким, и мы, наконец, нашли себе пристанище.

Не забуду, как Наташа Полторацкая отвела нас в гигантский дом на одной из Тверских-Ямских улиц. Каменная, очень побитая лестница спускалась в подвальчик, где несколько молодых ребят под руководством Володи занимались с детьми из близлежащих окрестностей. В подвальчике были низкие глубокие окна, на подоконники красиво падал свет, стояла чудная скульптура, изображающая Беатриче, имелись и какие-то планшетики. Нам разрешили там ночевать.

Жили мы по-спартански: одевались во все черное (чулки, туфли, свитер, юбка), спали то на книжной полке (сегодня трудно в это поверить!), то на каком-то старом топчане. Эта суровая жизнь казалась нам совершенно естественной для художников.

В подвальчик приходили друзья-севастопольцы и знакомые московские ребята, чтобы рисовать и готовиться к поступлению в институт. Нищета была жуткая! Я неоднократно посылалась к соседям на первый этаж с коробкой в руках, стучалась к ним и просила отдать нам ненужный хлеб, чтобы стирать им рисунки, держа в руках (для подтверждения своих слов) какой-нибудь испорченный лист. Одаренная хлебом, сбегала вниз, где меня ждали голодные творцы, и принесенные куски съедались самым бурным образом!

Иногда мы варили в чайнике пельмени, вылавливая их оттуда вилкой или ложкой. И при этом ходили рисовать в Строгановку, где Владимир Иванович (удивительный был человек!) потрясающе нам преподавал и говорил разные умные вещи.

Мы с Нинкой познакомились с замечательными ребятами – Таней Чудотворцевой, Вадиком Паперным (сегодня известным культурологом и автором знаменитых книг) и другими. Компания была живописна, демократична.

Москвичи, зная наше (более чем скромное) существование, старались вытащить из своих карманов всю мелочь и незаметно насы-

пать ее нам на подоконник, из чего у нас складывались какие-то суммы. Это был период так называемого «застоя», поэтому многие годы сырок стоил одиннадцать копеек, батон – тринадцать, и мы укладывались в те деньги.

Помню, кто-то привез из Ленинграда самиздатовскую распечатку записи суда над Бродским, которого судили за тунеядство (написание стихов работой не считалось): вчера был суд, а буквально на следующий день мы в Москве в нашем подвальчике это читали. На календаре был март 1964 года.

Добрый милиционер

Вечером мы выходили из своего полуподвала прошвырнуться по (совершенно в то время пустынным!) улицам и переулкам. Иногда к нам подходил один приветливый милиционер: «Девчонки, привет! Гуляете?» – «Гуляем!» – «Сиропа хотите?» Мы соглашались. Он заводил нас за угол какого-нибудь дома, где стоял автомат с газированной водой (тогда они были в Москве на каждом шагу).

Чтобы получить долгожданный напиток, в автомат нужно было бросить монету. Молодой человек залезал во внутренний карман мундира, вынимал тонкую стальную проволоку, закрученную на конце колечком: «Берите стакан!» Чистый стакан ставили в автомат. Движением фокусника он просовывал проволоку в щель для монет, на что-то нажимал, и автомат выплевывал роскошный, как нам казалось, сироп. Потом он командовал: «Убирайте стакан!» – выплевывалась вода. «Ставьте стакан!» – лился сироп. Набрав граненый стакан сиропа, мы дружно выпивали его, передавая из рук в руки. «Девчонки, пока!» И он удалялся куда-то во тьму – сторожить московские улицы...

Получив такой дивный допинг, мы возвращались в подвал, и жизнь казалась, да и была, прекрасной и какой-то защищенной. Потому что по улицам ходить было нестрашно, если там разгуливали такие хранители порядка. Улицы были безлюдны. Бежали коты и собаки. За все время пребывания в подвале ни одного печального события ни с кем из нас не случилось.

Через много лет я пришла к тому дому, вошла во двор. Мне казалось, я не найду наш подъезд. Безусловно, все там изменилось, многое переделали. Я просто постояла во дворе, посмотрела на это для меня совершенно святое место! В очередной раз всех вспомнила с необыкновенной теплотой и благодарностью, и того милиционера тоже.

Урок от мамы

Мама была, конечно, в курсе моей бивуачной жизни, но не во всех деталях. Знала, что бегаешь, стремишься, учишься... По молодости лет, я, конечно, не так часто и пунктуально родителям писала. Однажды получаю от мамы телеграмму – совершенно эпохальную! Все мои друзья были знакомы с ее текстом: «Люда! Не волнуйся, что мы волнуемся, что ты нам не пишешь». С такой индугенцией можно было жить и творить дальше. Неоднократно в жизни замечала: чем больше разрешается, тем больше в тебе возрастает чувство ответственности.

Экзамены понравились, но...

Многие однокашники по подвалу хотели поступать в Строгановку, где были свои понятия о рисунке и композиции. Там почему-то писали «с верхней точки». То есть подиум, на который ставят натюрморт,

находился не на уровне глаз, а чуть ниже, возвышаясь над полом сантиметров на сорок. На подиумах были рассыпаны фрукты, ставились миски, кувшины, сквозь горлышко которых просматривалось чуть ли не дно. Живопись была яркой, декоративной, порой даже с черным контуром. Рисунок был очень конструктивный, мужской, в отличие от лирического, утонченного рисования в Полиграфе.

Экзамены мне понравились, особенно задания по композиции, унаследованные, наверное, от вхутемасовских занятий. Предлагалось, например, раскрасить в два-три цвета лист с геометрически нанесенными на него полосками, слепить из пластилина несколько геометрических предметов и составить из них скульптуру.

По композиции я, кстати, получила приличную оценку.

Мы не до конца успели подготовиться к Строгановке, поэтому почти все «пролетели», зато окончили потом Полиграф.

Мои Митуричи

Эпопея со Строгановкой закончилась печально, но там произошло знакомство с Людой Митурич. Тогда она была Людмилой Ревзиной и тоже поступала в этот вуз, приехав из дальних краев – из Комсомольска-на-Амуре.

Мы с Ниной Красовитовой увидели красивую печальную девушку, похожую на японку, но с египетской прической черных волос, которая чуть ли не со слезами на глазах стояла перед входом в Строгановку.

Подойдя к ней, спросили: «Девочка, почему ты плачешь?» Не забуду именно это обращение! Она отвечает: «Я приехала издалека, пошла наперекор своей семье! Вот просто в чем была, в том и приехала!» Она уже закончила художественное училище, но и ее уровень, видимо, не соответствовал школе Строгановки. Теперь надо было решать: возвращаться домой или оставаться? Расстояние неблизкое. Ни денег, ничего. Мы с Нинкой говорим: «Девочка, хочешь – пойдем с нами?»

Сев на откосе железнодорожного полотна за институтом, мы достали свои скромные свертки с едой и, разложив на троих, жевали, свесив ноги с насыпи. Потом вместе направились в наш подвал.

Другая Москва

В то время Ленинградский проспект выглядел совсем по-иному. Гигантскую магистраль разделяла аллея с высочайшими деревьями. Слева и справа по шоссе мчались автомобили (не так густо, как сейчас), а посередине можно было идти, болтать, шуршать листьями, сидеть на лавках, снова идти. И мы из Строгановки (станция «Сокол») шли пешком до улицы Горького (она же Тверская) на нашу 3-ю или 4-ю Тверскую-Ямскую в свой любимый подвал, болтали, сидели на лавках, что-то грызли... Особенно хорошо было весной и в начале лета.

Мы были молоды, и мальчишки к нам в подвал приходили, но настрой, помыслы были настолько чисты, что романов между нами не заводилось. В последнюю очередь думали о какой-то своей личной жизни. Все были братья и сестры, друзья и творцы – настоящая коммуна, новым членом которой стала Люда.

Она долго искала работу в Подмосковье, потом ассистировала одной художнице на Масловке и, опередив меня, поступила в Полиграф. Учась в институте, вышла замуж за Сергея Митурича и стала жить в его семье.

* * *

Семья эта замечательная. Много для меня доброго сделала в жизни. Болтаясь без квартиры, без прописки, без того и без сего, просто не имея места, где могла бы переночевать, или, почувствовав невероятное одиночество, я могла в любой день приехать к ним, как в родной дом, и была всегда тепло принята и понимаема.

Клара Сергеевна, мама Сережи, была замечательным художником, удивительной мудрости женщиной и великой оптимисткой! Она уважала друзей своего сына и невестки.

Урок жизни от Клары Сергеевны

Уже в пожилом возрасте, будучи тяжело больной, она лечилась где-то в санатории. И вот Клара Сергеевна мне с лучезарной улыбкой рассказывает: «Танася, как мне повезло! Ты представляешь, иду я по коридору и понимаю, что падаю. Но упала не на железный угол (торчал там какой-то), а на деревянную дверь! Я просто чувствовала себя счастливым человеком!» При этом она совершенно не вкладывала в свои слова какой-то вселенский смысл. Вот как следует относиться к постигшим нас печалям и невзгодам.

Отец Сережи, Василий Петрович, внешне напоминал какого-нибудь дореволюционного актера. Он был художником и фотографом, преподавал в Заочном народном университете искусств (был когда-то такой уникальный университет (ЗНУИ), где любой желающий мог заочно учиться «художеству»). К нему в дом приходила бесконечная вереница учеников, приезжавших с Алтая, из Сибири, с Камчатки, которые наносили своему учителю визит, расспрашивали про искусство.

И так было из года в год, все друг друга знали, и было радостно. В квартире у Митуричей на Усиевича случались порой смешные и трогательные истории.

Карат

У Василия Петровича был потрясающий пес Карат (западно-сибирская лайка), который с ним на охоту ходил. Настоящий трудовой пес, живший круглосуточно (даже в самый лютый мороз!) на балконе в будке. Карату, как и всем цивилизованным существам, конечно, хотелось попасть в квартиру. Он становился передними лапами на фаску окна, нос прилеплял к стеклу и смотрел: В.П. работает или нет? Вдруг В.П. куда-нибудь свалил и можно попроситься у Людки или у Сережки, чтобы дверь открыли. Погреться дома. А он, Василий Петрович стучит себе на «Ундервуде», сидя спиной к окну (я же, например, из коридора наблюдаю эту сцену).

Потом раздавался уже такой стон! Тогда Василий Петрович, держа все же Карата в строгости, снимал очки, брал их за дужки и, не поворачиваясь, приставлял к стеклу. Карат, застеснявшись, падал опять на балкон и залезал в будку. Очки в роговой оправе настолько являли собой образ хозяина, что было достаточно приставить их к окну.

Когда же Василий Петрович куда-то уходил, то Карат (как он чухал, что хозяин идет в магазин?) клал лапы на перила балкона, свешивал мордюку и смотрел на подъезд. Дверь – хлоп! Потом шаги, шаги, шаги. Если двор пересекает, значит идет на рынок или в магазин. Пес тут же разворачивался и бум-бум-бум в стекло! И мы его уже впускали, и он кайфовал в тепле! А потом снова выпроваживали на балкон.

Хождение «налево»

Хотела я однажды, наперекор Евгению Андреевичу, поступать и на факультет театрально-декоративного искусства в Белорусский государственный художественный институт. Вот как это было.

Нина Красавитова собралась в Минск и меня уговорила туда приехать. В столице Белоруссии нам никак с ней не удавалось пересечься.

На вокзале милиционер пригрозил: «Еще раз тебя ночью увижу, приму меры!» И я решила в последний раз поехать в институт: может, все же встретимся?

Подходят девочки взрослые: «А что ты здесь бродишь?» – «Подружку жду!» – «Пошли с нами! Мы тебе покажем свой диплом!».

Увидев их эскизы к опере «Сказание о невидимом граде Китеже» и всякие почеркушки, достаточно профессиональные, я говорю: «Можно знаете, как сделать? Взять оргалит или фанеру, обтянуть холстом, вырезать картонных персонажей, инкрустировать их перламутровыми пуговками, бисером, нитками. Не просто на бумажке нарисовать, а чтобы это было, как панно! – А где ты училась? – В Севастополе, в художественной школе. – Мы бы, конечно, хотели так сделать, но эскизы нужно делать только на бумаге».

«Зачем я буду тоскливо учиться пять лет там, где не будут разрешать делать то, что я хочу?!» – подумала я, пошла на вокзал и села на ночной поезд в Москву.

А утром, в предрассветных лучах солнца, вышла на Белорусском вокзале. И – как в кино! – поливальные машины с водными веерами, изумительной пропорции площадь гигантская с памятником Горькому в центре. И наш подвальчик совсем рядом – только пересечь площадь и чуть-чуть в переулок свернуть. Счастливая, прибежала туда! На этом минское искушение закончилось: я твердо решила идти в Полиграф по завету Евгения Андреевича.

Последняя попытка

Поступая в Полиграфический институт в третий раз, я получила три пятерки и двойку. После завершающего экзамена что-то нехорошо про институт сказала и шла, насвистывая, по коридору за личным делом, желая навсегда этот вуз покинуть. И тут судьба столкнула меня с преподавателем живописи и рисунка Юрием Константиновичем Бурджеляном, уважаемым очень Евгением Андреевичем и осведомленным о нас и нашем творчестве. Он развернул меня и велел нести документы на заочный факультет. Повиновалась, хотя было уже все равно – писать не на чем (холст нужен), рисовать не на чем...

И вот приехала и сижу в парке Полиграфа, закрашивая белилами свой написанный холст. Звонок прозвенел, экзамены идут. У меня же – совершенная апатия. Закрасив холст и подождав, пока он высохнет, пришла в аудиторию, где все давно дружно работали. Окинув взором предложенные натюрморты, по совету Евгения Андреевича, влюбилась в один из них, и в секунду пришло решение, как его написать. «Завтра на экзамен не приходи! Только все испортишь!» – сказал Бурджелян.

Так я сдала экзамены, получила высокие отметки и попала на заочный факультет. О чем совершенно не жалею, потому что могла теперь позволить себе работать.

Бурджелян заглянул в мое личное дело предыдущего поступления: там были три пятерки и четверка, искусно переправленная на пару – конкурсы были чудовищные...

Учусь и подтверждаю соответствие

Я много писала, рисовала, делала куклы, эскизы, старалась досрочно сдать экзамены, чтобы не ходить со всеми вместе в аудиторию: не люблю стоять в группе и ваять что-то. Мне нужно сначала

сосредоточиться, «поймать волну», а уж потом, может, и в аудитории смогла бы работать.

Привозила работы в институт на такси. Бурджелян смотрел их (естественно, вместе с кем-то), ставили «пятерки». На каком-то курсе один преподаватель (кажется, по техническим материалам) поставил вопрос ребром: «У Вас за техническое редактирование «тройка»? А живопись, рисунок и прочие творческие дисциплины досрочно сдаете! Вынужден созвать комиссию, а Вы представьте нам свое творчество для объективной оценки». Когда я стала выгружать холсты, куклы, склянки, композиции, заполнив ими половину спортзала, собравшаяся комиссия все оценки подтвердила, и меня больше никто не трогал.

Таня Чудотворцева

Раньше меня в Полиграф поступила Таня Чудотворцева – небольшого роста очаровательная особа с цыганскими громадными зелеными глазами, закончившая Центральную художественную школу в Москве. Она виртуозна рисовала и потрясающе пела. Училась у Юрия Константиновича Бурджеляна.

Еще до поступления в институт Таня пригласила меня немного пожить у них в коммуналке на Фрузенской набережной. На время летних отпусков ее мама уезжала на дачу, и Таня чувствовала себя хозяйкой их большой комнаты. Приходили туда потом и другие севастьяпольцы: все мы тащились «паровозом» друг за другом.

Чтобы в комнате стало уютнее, мы расписали темперой подсолнухами оргалит. Периодически варили искусственный суп из банки и были счастливы: рядом – Москва-река, обсаженная деревьями, солнце, рисуй, твори, сколько хочешь!

Соседи Тани были люди экзотичные. Один из них каждый вечер, в одно и то же время, выходил на кухню, хлопал селедкой об стол, держа ее за хвост вниз головой, плотоядно резал на тарелке на куски и уходил с ней в комнату. Другой выращивал червячков для ловли рыбы, чтобы сдавать их в зоомагазин. Эти красные червячки висели в капроновом чулке в сливном бачке в туалете. Причем оба соседа (полная экзотика!) ходили по квартире в майках и имели на груди буйную растительность. Наш образ жизни вводил их, конечно, в заблуждение, был ими непонимаем и осуждаем. Особенно когда к нам в гости приходил кто-нибудь из особей мужского пола...

Один наш знакомый подрабатывал в цирке и приносил нам иногда авоську с морковкой. Парень был коренной москвич из приличной семьи. Мы всегда были непрочь что-нибудь погрызть, но чтобы соседи не заподозрили нас в каких-то низменных проявлениях и приемах

мужчин на ночь, Татьяна мне выразительно говорила: «Пойдем вытрясать плед!» Мы выходили из квартиры, трясли пледом на лестничной площадке, громко хлопая. В это время субъект выходил из лифта с авоськой в руках и под грохот лифта, за пледом (как в кукольном театре!), быстро проскакивал к нам в комнату. Потом мы мыли морковку, хрустели и до обморока болтали.

Через годы

Татьяна Фоминична Чудотворцева замечательный художник, стала преподавателем ЗНУИ. Сейчас это мать четверых детей и бабушка тринадцати внуков, но она по-прежнему выглядит молодой и прекрасной.

Арнольдовка

Таня познакомила меня со своей близкой подружкой Катей Арнольд. В джинсах, коротко стриженная, лицо в английском стиле и улыбчивый (от уха до уха!) рот. Катка была страшно талантлива, умна, оригинальна и очень дружелюбна. Открытости необыкновенной! Мы подружились, и я стала периодически бывать в ее семье.

Родные ее на все лето уезжали на Западную Украину, кажется, в Яремчу. В Москве у семьи была двухкомнатная квартирка в пятиэтажке на Ломоносовском проспекте (тогда здесь не было ни роскошных посольств, ни небоскребов), хотя до этого они жили на Арбате, в Спасо-Песковском переулке, куда меня позже тоже занесла судьба.

Это была интеллигентнейшая семья! Катину бабушку, Элеонору Исааковну, все звали Ликой. Она знала несколько языков и прошла в жизни через многое: от прелестного детства в соломенных шляпках и матросках, до потери мужа в соответствующие годы. Лика обожала слушать наши разговоры, была в курсе всех наших дел и удивляла прогрессивностью взглядов.

Урок жизни от Лики

Когда Катя вошла в комнату, где Элеонора Исааковна читала в очках очередной роман на иностранном языке, и с улыбкой сказала: «Ликочка, я беременна!» – Элеонора Исааковна, сняв очки, произнесла: «Катя, как хорошо! Наконец-то ты перейдешь в вечернюю школу, и мы днем будем ходить с тобой в кино!»

В этом – такая любовь к детям, уважение к своим внукам, к продолжению рода, правильное понимание жизни!

Мама Кати, Нина Александровна, работала искусствоведом в Пушкинском музее. Она охотно принимала нас, голых, драных, голодных, когда мы прибегали в место, свято именуемое Арнольдовкой.

Во время первого моего посещения ее дома, Катя сказала: «Знакомься! Это мой старший брат Дима!» На самом деле имя его было Владимир, но в семье было принято называть его Димой.

Эпизод в Севастополе

1957 год. Солнце. Помню, папенька сидит за столом, читает книгу. Мама влетает в комнату с газетой в руках (она была человеком, который всегда бурно радовался успехам даже незнакомых людей) и говорит: «Серезжа! Ты представляешь, двадцатилетний студент московского университета решил задачу, оставленную в наследство одним математическим гением, которую на протяжении многих лет НИКТО не мог решить! Какая нынче замечательная молодежь! Того юношу зовут Владимир Арнольд!» И у меня это запомнилось.

Судьба

Владимир Игоревич Арнольд (1937-2010) решил в 20 лет тринадцатую проблему Гильберта, стал одним из величайших математиков XX века, получил массу самых высоких российских и международных премий, включая эквивалент Нобелевской, опубликовал немало учебников.

У Кати был еще один брат, с которым они были очень похожи (та же «английская» внешность и обаятельнейшая улыбка). На самом деле, Дмитрием был он, но его все звали Митькой.

Отец их, известный математик, профессор МГУ, происходил из дворянской семьи и рано умер. Все дети унаследовали таланты родителей, и именно от отца – необычную внешность. Портрет Игоря Владимировича Арнольда висел в комнате, и глаз от него нельзя было оторвать. Он обладал, я бы сказала, внешностью человека мира: имел неправильные, но очень выразительные черты.

* * *

Семья Арнольдов была удивительно демократична. В пятиметровой кухне на крошечный столик ставилась сковорода с макаронами, которые посыпались дешевым зеленым сыром. Все мы с вилками сидели вокруг. Элеонора Исааковна сидела рядом, читала газету или новый роман, слушая при этом наш бесконечный треп. Сковородка выскребалась до дна. В крайнем случае, в местной кулинарии покупалось что-нибудь доступное...

Все стены квартиры были изрисованы детьми: Катиним сыном, который сейчас чуть ли не профессор филологии где-то в Америке, и Никитой – сыном Мити. При этом на стенах висели персидские подносы, привезенные из каких-то экспедиций; в шкафу в коробках (вместе с детскими ползунками) хранились детали из египетских раскопок, которым не было цены (кто-то из родственников увлекался археологией), причем никто от нас эти сокровища не прятал. Висели на стенах замечательные акварели Фонвизина, с которым дружила семья и у которого Катя брала уроки. Весь антураж был прост, но радовал глаз. Вот этот стиль московской квартиры (с книгами в шкафах, с пледами, с каракулями детей на стенах) – это была сплошная информация! Возникало ощущение, что ты все это любишь и все понимаешь! И тебя понимают.

Какое-то время, несмотря на многочисленное население квартиры, я тоже была принята в эту семью, учитывая мое положение в то время – полное отсутствие чего-либо. И это считалось абсолютно нормальным. Мы оставались с детьми, играли с детьми, сами были еще почти детьми, и все были, как одна большая дружная семья...

Дивная история

Это случилось, когда однажды семья была на даче. Мы все, уже учась в Полиграфе, готовились к экзамену по истории искусств. Затрепавшись до позднего вечера, вдруг осознали, что экзамен-то завтра утром. Кто-то вспомнил, что, чтобы не заснуть, хорошо помогает крепкий чай. А чай у нас был прекрасный, трудно доставаемый, что называется «со слоном» – индийский, маленькая пачка. Кто-то вышел на кухню, вскипятил чайник, сыпанул туда, не глядя, из той пачки и разлил нам чай по стаканам. Мы дружно выпили, думая, что взбодримся! Через некоторое время мы, может, в какой-то степени и взбодрились, но у одного пропал голос, другой в изнеможении прилег на постеленный на полу матрасик. Помню только, что на табуретке лежала «История искусств», и моя лично задача состояла в том, чтобы дотянуться до книги, взять ее в руки и попытаться раскрыть, чтобы мы, читая вслух, погрузились в эти прекрасные знания. Но дотянуться до табуретки мне все никак не удавалось...

И вдруг слышим звук ключа в открываемой двери. К нашему изумлению, входит Катина мама с тележкой на колесиках (в ней белье, привезенное с дачи). Внешне она была очаровательна, как говорится, «из бывших» – седые волосы с пробором, завязанные сзади на шее узлом, очки круглые, интересное лицо с милыми пухлыми губами. Оставив сумку в маленькой прихожей, Нина Александровна распахнула дверь комнаты и (на секунду «обратная точка», как говорится в кино) – глазами мамы: на полу в странных позах пребывают молодые люди, посреди комнаты стоит табуретка с каким-то фолиантом. «Здравствуйте, дети!» – Пытаясь быть вежливыми, в ответ ей что-то невнятно бормочем. Она мирно спрашивает: «А что вы делаете?» – Срывающимися хриплыми голосами объясняем: «У нас завтра экзамен по истории искусств, мы готовимся...» – Она: «Ничего страшного! Я вам сейчас все расскажу!»

Нина Александровна садится на эту табуретку, фолиант берет в руки, и, будучи искусствоведом самого высокого класса, спрашивает: «Какой период?» Просмотрев оглавление и поняв, какой примерно объем нам нужен, она спокойным голосом человека, глубоко знающего тему, начинает красочно рассказывать. Мы же, придав себе позы, как на пляже (кто голову подпер рукой, кто лег на живот, опираясь головой на обе руки), стараемся внимательно слушать...

Этот незабываемый эпизод опять же говорит об удивительном отношении и уважении к друзьям своих детей. Она знала, что мы талантливы, что мы шалберы и что мы хорошие ребята. И вот этот допуск – он был невероятным!

На этом месте надо также «снять шляпу» перед родителями Нины Александровны: это Лика и ее супруг. Тоже романтическая история.

Элеонора Исааковна была сестрой известного физика Леонида Мандельштама. В один из вечеров, когда ее старший брат пришел со

своим приятелем к ним домой, Лика, еще будучи юным созданием, выбежала на верхнюю балюстрадку прихожей (как тогда были – с лестницей вниз, где все раздевались и звенел звонок с хвостиком). Увидев двух студентов, снимавших шинели, она свесилась с этих верхних перил и показала приятелю брата язык! Это ли произвело на последнего такое впечатление или очарование общей той картины, но студент дождался, пока та маленькая девочка вырастет и женился на ней. Приятелем брата был Ликин удивительный муж и Катин дедушка – адвокат Александр Соломонович Исакович.

Когда пришли тяжелые революционные времена, они съехались со своей кухаркой и ее детьми в одну большую комнату, чтобы было тепло (ни денег, ни еды, ни дров не было). Чтобы скрасить их тягостное в ту пору существование, Александр Соломонович переодевал детей в какие-то наволочки, старые бабушкины капоты (костюмировал) и ставил с ними вместе оперу, кажется, «Севильского цирюльника». Дед Кати музицировал на рояле, играл на флейте, еще на каких-то инструментах, и брал на себя всю музыкальную часть и режиссуру. Порой он ходил на рынок и менял какие-нибудь картины на то, что было необходимо, в основном, на продукты.

В 1938 году Александр Соломонович был расстрелян.

Тоже наследство

Позже я случайно узнала, что Арнольды (в 1960-е годы!) продолжали оказывать материальную поддержку детям (или внукам?) своей бывшей кухарки, отправляя в Одессу деньги, потому что те (тоже передается по наследству!) навещали их семейные могилы и прошли с ними трудное время до революции и после. Причем делалось это все просто, без произнесения высокопарных слов.

В Арнольдовке существовала одна необыкновенная традиция: на входной двери, обитой дерматином, за стеклянным ромбиком с цифрой сорок семь лежал ключ. Кто об этом знал, мог всегда войти в дом.

Спустя несколько лет, застигнутая летом страшной грозой, я оказалась недалеко от этого дома, и меня вдруг пронзила мысль: не зайти ли? Просто так. Посмотреть. Поднялась на третий (или четвертый?) этаж, нажала на дермантин, засунула палец под ромбиком на двери – оттуда выехал ключ! Подчеркиваю: на правах очень близкого человека я имела право войти в квартиру. Сегодня это трудно понять: каждый хранит свой дом, как недосыгаемую крепость, и считается дурным тоном прийти в гости без предупреждения. Но тогда было совершенно очевидно, что я могу так поступить!

Вошла на знакомую кухню и поставила чайник. Оказалось, что я в квартире не одна: появился сын друзей Арнольдов – скрипач Павлик. Мы были рады видеть друг друга и – счастливые! – болтали на кухне, как в былые времена...

Через годы

Катя Арнольд в 1970-е годы принимала участие в знаменитой «Бульдозерной выставке», представляла свои работы на квартирных выставках. Сейчас живет в США. Ее супруг, художник Александр Меламид, много лет работал с Виталием Комаром, вместе с которым они придумали соц-арт – пародию на агитацию и пропаганду, сначала социалистическую, потом любую массовую. Первым мужем Кати был Ян Райхваргер, теперь известный живописец, профессор Академии художеств в Израиле.

Райские и дядя Мика

После Арнольдовки, меня забрали к себе Райские, их родственники. У Лики, помимо Нины Александровны, было еще двое детей – Наталья Александровна Райская и Михаил Александрович Исакович, дядя Мика, оба физики.

Райские жили на Ленинском проспекте на углу улицы Дмитрия Ульянова. Дядя Мика – невероятно трогательный, нежный! – был профессором и проживал поблизости.

Наталья Александровна редактировала на двух или трех языках сложную академическую литературу в издательстве «Наука». Помню два ее карандаша (синий и красный), которыми она, сидя в гостиной, делала правку бесконечных рукописей, куря папиросы. У нее, как и у сестры, было детское лицо, пухлые губы, пересыпанные сединой волосы, собранные сзади в узел. Она была изящна и носила круглые цейсовские очки.

При всей своей учености, Наталья Александровна была выдающейся хозяйкой и не гнушалась вечерами штопать носки, причем на высоком уровне – чувствовалось, что учили по-настоящему, как в институте благородных девиц (за счет этого и выжила русская эмиграция, так как умела не клонить голову и не комплексовать, что ты штопаешь носки, если в данный период это практично). Помню деревянный грибок, носок, точно в цвет подобранные нитки и безупречные штрихи по вертикали и по горизонтали. Я любила подсесть к ней на кухне за круглый стол, когда она штопала.

На покрашенной масляной краской стенах кухни можно было видеть изысканные копии с наскальной живописи французских пещер (сцены охоты и прочее), которые мы выполнили под руководством Яна Райхваргера – просто, чтобы сделать приятное.

За упомянутым круглым столиком собирались удивительные люди, вошедшие в историю: здесь бывали многие академики, среди

них и Андрей Дмитриевич Сахаров. Приходя, они забирались с Натальей Александровной в гостиную и делали так называемое «снятие вопросов» (по отредактированным ею, помеченным цветными карандашами местам задавались вопросы и выслушивались ответы).

Бывал у Райских и недавно ушедший из жизни, удивительный человек по имени Григорий Померанец – тогда еще достаточно молодой, но тоже, в каком-то смысле, несколько бездомный...

* * *

Хозяин дома, Соломон Менделевич, был доктором наук, занимался спектральным анализом и работал в Академии наук. Дочь Женя была по образованию физиком-математиком, но совершенно гражданским человеком. Она обожала отца и увлекалась студенческими песнями, поэтому я, благодаря Жене, коснулась также истоков бардовского движения.

Клуб самодеятельной песни

Женя Райская была членом Правления КСП и «припилила» меня в качестве художника к проведению их (чуть ли не первого!) слета в мае 1967 года в небезызвестных Петушках. Нужно было как-то украсить праздник. Делалось все в кратчайшие сроки! Был чистый экстрим! Чем хочешь, тем и рисуй! Как хочешь, но оформи, чтобы это было здорово! Никто не контролировал, не было никакого худсовета! Без эскизов расписали все, что можно было, персонажами из бардовских песен.

На слет собрались потрясающие люди, которые вошли во все возможные Истории – Александр Галич, Юлий Ким. Приехали поэты и музыканты из Ленинграда, московские студенты-барды. Они выходили на траву выступить босиком, были людьми без возраста... Это было упоительное, бесшабашное интеллектуальное братство, о котором невозможно забыть!

Дядя Мика бывал с визитами у Арнольдов и Райских, посещал все концерты в консерватории, любил искусство, был необыкновенным знатоком и эстетом, а также заботливым сыном и удивительно внимательным ко всем нам.

Уроки жизни от дяди Мики

Если Мика приглашала его сестру вместе с нами за стол и поест, то он смотрел сначала на хлебницу, потом на макароны на сковородке, быстро оценивал ситуацию и никогда не садился, если мы еще не поели.

Мало того, он часто заманивал нас к себе домой, придумывая те или иные очень серьезные мотивы – просил проанализировать какую-нибудь графику, хотел показать определенные листы из своих коллекций.

В ту пору все мы были бедны, как церковные мыши, и когда приходили, он старался послать кого-нибудь в магазин, давая деньги, но высказывая каждый раз недоумение при нашей попытке вернуть ему сдачу... Мы краснели как раки, понимая: он просто хочет материально помочь. Причем дядя Мика так ловко поворачивал ситуацию, что становилось нелепо отдавать ему сдачу или заставлять его брать ее. Мы сядились обедать, смотрели картинки, и все зашлось мирно.

Находясь в такой среде, я рано познакомилась с «залетающей» литературой, которую нельзя было читать на каждом углу – только дома. Уединившись в гостиной и прильнув к уютной настольной лампе, я ночами читала у Райских упомянутую литературу. Это будоражило мозг и помогало понять, что и как вокруг.

Валя Шапиро – особое живописное полотно

В Арнольдовке я познакомилась с очень странной, с неземным лицом барышней по имени Валя Шапиро. Ей нравились мои рассказы о Евгении Андреевиче и его принципах работы.

Истоки нашей образованности

Будучи человеком, как сейчас говорят, продвинутым, Евгений Андреевич, учась в Москве, покупал и привозил нам самую современную литературу и много книг по древнерусскому искусству. Железный занавес в то время со скрипом только начал открываться, и потекли книги: Сезанн, Ван Гог, абстракционизм – как гнида на теле социалистического искусства и прочее. Только в обличительных книгах и можно было увидеть, допустим, репродукции Сальвадора Дали, но как пример тлетворного влияния западного искусства на нашу молодежь, наших трудящихся: рисуют, мол, таких вот пылающих жирафов (черт-те что с длинными ногами!), непонятно с чем текущие часы, и это происходит в наше здоровое общество!

Так что мы приехали в Москву, имея весьма широкое представление о том, что творится в искусстве, и нам всегда было о чем поговорить с московскими ребятами.

Однажды мы смеялись, что-то обсуждали, и вдруг Шапиро падает в обморок. Положили на диван, а у нее кончики пальцев синеют и такие бле-е-едные ноги голубого цвета торчат из-под штанов – совершенно египетские, узкие-узкие, длинные, безумной красоты, но страшно холодные... Побежали за корвалолом, влили ей в рот.

Я подумала: какая гадость этот корвалол! Принесла кусочек пастилы и воткнула Вале в рот, думая, что это (после горечи) будет приятно. Она из последних сил открыла глаза и пастилу выплюнула. Лицо ее при этом было испуганное. Оказалось, у нее синдром неприятия пищи,

поэтому прилюдно она вообще никогда не ела и не пила, так как в детстве перенесла большую психологическую травму. Произошел слом.

Трагедия

Училась Валька блестяще. Однажды, зараженная каким-то пацанством, написала на стене школы слово из трех букв, кто-то настучал. Выстроили каре из учеников всех классов (плац!), посередине поставили этого кудрявого мышонка, подвергли обструкции, отдали приказ: три дня с Шапирой не разговаривать – бойкот!

Это потрясение свернуло ее, такую маленькую, в бараний рог. Кризис затянулся, ее отправили в психушку... Валька стала отказываться от еды. Кормили насильно, как Швейка в сумасшедшем доме, связав сзади руки. С тех пор последовал отказ от пищи.

Больше всего на свете Валька любила семечки, воблу и газированную воду, поэтому самым большим подарком для нее было – подсунуть ей в сумку воблу или семечки. Но даже их она ни при ком не ела.

* * *

Шапиро жила с матерью (крайне бедно!) под Москвой на станции Удельной в крошечной комнатке без окон, где стояла раскладушка, над ней – нары, табуретка с горшком под ней, дверь на улицу. Вот и вся комната.

У Вальки была внешность юного Пушкина – копна смоляных кудрявых волос, узенькое личико, очень выразительные глаза. Это был необычный ребенок. Мечтая стать пилотом, она на стене, где на нарах спала, нарисовала полностью кабину самолета, знала, где какие винты, ручки, датчики расположены. Ее куклами были карандаши, на которые надевались бумажки-платья. Все было более, чем скромно. Позже им дали на Удельной однокомнатную квартиру.

Мама Вали работала ночным сторожем в детском приюте и писала заметки в местную многотиражку (была, якобы, прежде журналисткой). Не знаю, как Фиру Владимировну судьба занесла на Дальний Восток, но оказалось, что мы с Валькой родились в одном городе – Совгавани.

Сюжет для синемаатографа – за миллион!

Пейзаж такой: станция Удельная, мгла, у станции какие-то там деревья, я высаживаюсь из электрички. Луна, низкий горизонт, на горизонте – Институт кролиководства (длинные бараки со светящимися окошками), от института до самой станции – капустные поля, запорошенные снегом. Река Македонка (толщиной с указательный палец), через нее – мостик деревянный. Перебегаешь через мостик, и перед тобой – поля, институт, вдали несколько пятиэтажек, в одной из которых Шапиры живут. Весь снег от станции до их дома исписан желтым по белому словами из трех букв – аж до самого горизонта! Добегаешь в порывах вьюги до шапириного дома, и, счастливый, сваливаешься к ним в квартиру, потому что через день нам сдавать политэкономия или еще какой-то предмет, и мы решили вместе готовиться.

Обращаясь ко мне, Фира Владимировна говорила: «Недаром я писала статьи в многотиражку Института кролиководства. Я тебе сейчас, моя маленькая мышка, прочитаю». Я вежливо садилась на одинокий стул в пустой комнате, и она мне с выражением читала: «Вчера в 19.00 крольчиха Виолетта родила девять малышей. Малыши чувствуют себя отлично...» Потом добавляла: «Вот видишь, как хорошо: благодаря моей общественно-полезной деятельности администрация выделила нам квартиру!»

Квартира – обычное казарменное пространство. Комнату украшал письменный стол, собранный Шапирой из деревянных ящичков для яблок. Столешница была прежде боковой стенкой упаковки холодильника. Сооружение было обклеено ватманом, раскрашено акварелью под красное дерево, покрыто лаком. На полу лежали коврики, выкроенные из солдатской шинели. Шапирины эстетические чувства все время стремились к чему-то прекрасному.

На этой же площади проживал и кот Брыськинд, которому Фира Владимировна, вернувшись с ночной службы, разбрасывала столовой ложкой по полу жуткую холодную овсяную кашу, приговаривая: «Брыськинд, Брыськинд!», чтобы котик поел. Валька же часто рисовала портреты с котами на голове

Помимо всего прочего, мать и дочь подрабатывали тем, что клеили для какого-то инвалидного бюро ювелирные коробочки из картона. Башни коробочек возвышались в кухне до потолка! Почти в каждой из них была прекрасная отдельная квартира для бегающих по кухне тараканов. Потому что каша Брыськинда и столярный клей, которым склеивали коробочки, служили для них прекрасной пищей.

Приезжая к Шапире, нужно было брать с собой еду (в которую не смогут проникнуть нежелательные личности), как-то: яйцо, баночку шпротного паштета, которую можно было открыть и обеспечить себе трапезу, не утруждая Фиру Владимировну, полную самых добрых к тебе чувств...

Чтобы побыть хоть немного в одиночестве, Шапиро «отрезала» себе метр от комнаты по торцевой стене, где обычно ставят тахту: притащила на своем горбу сухую штукатурку и соорудила стенку, повесив вместо двери плотную марокеновую ткань. Внутри лежал полосатый матрас без простыней, который сворачивался рулончиком. Там протекала Валькина жизнь: сидя на матрасе, она слушала висевший где-то над головой маленький приемник и изрисовывала пачки бумаги для пишущей машинки, делая гениальные рисунки.

Когда я приезжала заниматься, мы вместе залезали в эту палатку, и Шапиро с удовольствием застегивала ее на пуговицы. Из комнаты

доносилось то «Брыськинд! Брыськинд!», то «Моя маленькая серая мышка с маленькими черными глазками и розовыми ушками!» (эти эпитеты относились ко мне). Потом Фира Владимировна спрашивала: «Валя, помнишь, Блока?» и начинала читать стихи. Затем она с воодушевлением говорила: «Ой, я вчера в Малаховке заходила в магазин. Какие там были куры!» Мы прыскали, конечно, за занавеской, но все эти композиции были, на самом деле, совершенно восхитительны!

* * *

У Шапиро было дивное чувство юмора! В частности, изучая статью Ленина «Под чужим флагом», где речь идет о меньшевике Потресове, она не поленилась сделать целый комикс про мой роман с Потресовым, причем над нами везде реял флаг, на котором, естественно, было написано, что он чужой. После нашей с Потресовым удачной любви расплодилось куча детишек, которые сидели дружными рядами на горшках. Я была изображена в позе одалиски – с пышным бюстом, лежащая на оттоманке. В проеме дверей виднелся кусок галифе, рука опущенная с флагом – естественно, чужим... Со мной случились конвульсии!!! Настолько гениальны были эти рисунки! Слава богу, никто из преподавателей их не видел.

Шапиро была невероятной башковитости и интеллекта. Когда ей захотелось заниматься скрипкой, она попросила найти учителя. Я договорилась с одной консерваторкой, которая стала ездить в Удельную преподавать Вале скрипку.

Можно себе представить, кого собрала та пятиэтажка, где они жили! Но когда учительница приходила к Шапиро заниматься, Валька закрывала двери ватным одеялом, уплотняя щели, чтобы соседи не были травмированы несовершенством звуков, издаваемых ее

инструментом! Причем до ее этажа нужно было еще добраться, перешагивая порой через чьи-то тела. На мои предложения, игру прекратить, она отвечала: «Еще порепетирую: безусловно эту пьесу играю...»

Одевалась она удивительно: две-три, а то и четыре пары штанов, австрийские ботинки войлочные на заклепках со шнуровкой, синее пальто с бобриковым воротником, принесенное мамой из приюта и подвязанное под воротником приютским же шарфиком. На голове – черная шапка-ушанка из потертого котика с двумя шнурками по бокам. Так она и в институт ходила. Курила Валька всегда сигареты «Памир» или «Шипку».

Однажды зимой приезжаю я к Шапире, и она мне рассказывает о себе страшную историю (глаза выразительные такие!): «Меня вчера чуть не изнасиловали!» – «Сядь, рассказывай подробно!» – «Иду с папкой из института, перехожу Македонку...» – «Шапиро, я готова все свое состояние положить на стол, если ты мне покажешь того смельчака, а я у него спрошу: как он догадался, какие прелести таятся в этих одеждах?! Еще и с папкой в руках!» Как мы с ней потом хохотали!

На диплом Валька делала иллюстрации к Бодлеру – «Цветы зла». Получила даже бумагу напутственную, чтобы ей в издательствах давали работу. Но по здоровью своему, по характеру, ей было бы трудно работать в каких-то учреждениях. Плюс ко всему, будучи в Москве, она по трое-четверо суток ничего не ела. Иногда кофеин в рот впрыскивала, чтобы продержаться. А потом уезжала к себе домой.

Так падают крепости

Много помогала Шапуре Люда Митурич, с которой они были очень близки. Легенда гласит, что когда Сережа делал Люде предложение, а она еще раздумывала, произнести ли, наконец, долгожданное «да», то последним его козырем была фраза: «Люда, когда мы поженимся, Шапиро, как только захочет, может ночевать у нас, приезжая в Москву!». Люда согласилась.

Мои визиты в Удельную не были совсем пустыми. Всякий раз, возвращаясь от Вали, я везла папку с ее работами к Райским, которые устраивали для упомянутых академиков и докторов наук, приходивших в их дом, продажу Шапириных работ. На длинном столе, где тетя Тася редактировала, водружались стулья, на них вверх-вниз ставились картинки – рисунки, графика. Было очевидно, что эти работы – нечто необыкновенное! Та среда, те люди всегда покровительствовали талантам, и так потихоньку собирались деньги на Валькин отъезд: она резко решила уехать в Израиль.

Судьба

В Израиле она сразу ярко вспыхнула, пришел успех, даже портреты ее на обложках журналов публиковались. Но к налаженной, теплой, хорошей жизни она не привыкла и уехала во Францию. В Париже похоронила мать, в Центре Помпиду познакомилась со своим швейцарским мужем, родила дочь.

В Швейцарии Валька писала маслом большие полотна, но ее живопись – импульсивная, с некими настроениями – была больше для музеев...

С годами Шапиро отторгла от себя свое прошлое, в том числе и нас. Тут ничего не изменишь, ничем не поможешь. И мы между собой решили не убиваться, не тревожить ее. Пусть все идет, как идет. Будем просто вспоминать эти милые эпизоды нашей жизни, светлые и прекрасные!

Само-продвигаюсь

В художественной школе чем мы только не занимались! Куклы тоже мастерили – из любых материалов: из ржавого железа, битых стекол, даже из стиральной доски. Только тогда мы, «авангардисты 1960-х годов», были никому не нужны.

В Москве я продолжала шить кукол. Вечно таскала за собой какие-то коробки с тряпками. Каждый найденный кусочек бархата, шелка считался великим счастьем! И однажды решила показать свои творения в самом главном кукольном театре у Сергея Образцова.

Время было позднее. Театр был пуст. Я обошла его с сумкой, полной кукол, и увидела на первом этаже единственное светящееся окошко. Там работал кукольник. Мастер согласился посмотреть мои работы. Получила теплый отзыв (хоть куклы мои не были академическими) и благословение – продолжать сей труд.

Через некоторое время появляюсь с той же сумкой в Спасо-Песковском переулке, где располагалось кукольное отделение

«Союзмультфильма». Вошла в калитку. Был обеденный перерыв, во дворе вокруг стола сидели сотрудники. Поставила сумку на стол: «Хотела бы кукол показать, которых делаю! – Посмотрим!»

Куклы у меня были, конечно, своеобразные: вместо носа мог быть зеленый восковой огурец для натюрмортов, использовались и кусок гладильной доски, и палки, и старые расчески, и набитые чем-то лайковые перчатки, и разрисованная фольга.

Они спрашивают: «Без эскизов работаете? – Да!» А сама думаю: «Да смогу ли я вообще что-то серьезное делать?!» Тем не менее, встреча прошла очень доброжелательно.

Тут двор пересекает человек в клубном пиджаке с золотыми пуговицами. Режиссер Иосиф Боярский, в ту пору директор Творческого объединения кукольных фильмов киностудии “Союзмультфильм”, член редколлегии кукольного альманаха «Наш, только наш...». Увидев куклы, Боярский предложил мне выставиться. Так в ВТО состоялся показ моих авторских работ.

На той выставке ко мне подошел Сергей Владимирович Образцов и по-отечески похвалил. Известный режиссер Вадим Курчевский (с внешностью Марчелло Мاستроянни), восхитившись тем, как я работаю с фактурами, записал мой номер телефона, и эта встреча имела продолжение.

Неожиданный визит

Учеба на заочном факультете давала мне свободу и время. Керамическая мастерская была позади, не оставляла мысль о новой интересной работе.

Недалеко от Арнольдовки у меня была «мастерская» – низкий бетонный подвал с трубами, выделенный мне домоуправлением в благодарность за то, что занимаюсь с детьми. При свете тусклой лампочки, на фоне труб, из которых шел пар, я творила, здесь «обитали» мои куклы.

Именно туда пришли однажды режиссер Юлиан Абрамович Калишер и художник Эдуард Штейнберг, желая посмотреть мои работы. Эдик, слегка заикаясь, сказал: «Вот, старик, это то, что тебе нужно!» И мне предложили работать в Областном театре кукол то ли бутафором, то ли подмастерьем. Я согласилась.

Валя Комолова

Одновременно пришла в театр и Валечка Комолова, окончившая бутафорский факультет художественно-театрального училища. Мы стали с ней двумя подмастерьями, воплощавшими в жизнь материальную базу спектакля. С этого времени началась наша многолетняя дружба.

У Вали рано умерла мама. Она жила в однокомнатной квартирке на Сосновой аллее. Как Мэри Поппинс. Крайний дом перед лесом. Симпатичная, стильная очень девочка – черненькая козья шубка, перешитая из маминой, вязаная беленькая шапочка!

Однажды она пригласила меня после работы к себе в гости, сказав: «Неприменно надо купить по дороге котлет. Кота кормить!» – подчеркнула она. Нажарив дома котлет, положила коту, потом мы о чем-то очень интеллигентно разговаривали. «Ты не против съесть котлету?» – спрашивает меня (ей казалось это таким плебейством!). Я не возражала. В то время котлеты были очень хорошие в Москве и стоили всего семь копеек.

Чтобы украсить наш театральный подвал, мы с Валечкой купили ситец и сделали дизайнерские занавесочки – одну розовую, другую зелененькую, обе в беленький горошек. Засиживались на работе допоздна. В дни зарплаты спускали деньги на детские книжки – настоящие шедевры книжной иллюстрации! А потом накупили макарон, риса, чтобы самим продержаться и гостей, если надо, принять.

Постепенно мы притерлись друг к другу, и из Валечкиной квартиры опять же возникла коммуна, куда потом захаживали и другие севастопольцы, поступившие или поступавшие в Полиграф. Это была потрясающая тусовка! Мы ставили спектакли, что-то пели! Все делалось творчески, с высокими помыслами! И прошло там совершенно замечательное время!

Наш театральный коллектив

С нами вместе работали и Ася Грабарь с лицом поэтессы Серебряного века, и наша начальница, на которую хотелось надеть пиратскую повязку, выслушивая ее крепкие выражения и читая ее записки, содержавшие примерно такие задания для нас: «Сделать запор сыру, загрузить яйца и оторвать у кого-то что-то (не помню – что)» и шокировавшие рабочих, клавших в туалете плитку. Строители недоумевали: чем мы там занимаемся?!

А в театре приходилось делать все: мастерить кукол (механику, конечно, заказывали), офактуривать их, красить декорации по эскизам Эдика, который был главным художником. Так как у него не было времени на работе «сгорать», он двумя-тремя фразами, которые сейчас бы запикали в эфире, объяснял нам, как подправить облака, небеса или что-то позолотить, затем спокойно удалялся, зная, что мы сделаем все как надо, добавляя порой что-то и от себя.

Юлиан Калишер, главный режиссер, приехал из Ташкента, где успешно начал свою карьеру. В Москве работал актером в Театре Образцова. Возглавив Московский областной театр кукол, Юлик

пригласил из Ташкента двух или трех своих любимых актрис (в том числе, Катю Бабаеву, которая сейчас Заслуженная артистка в Театре Образцова), а также Володю Птицина – одержимого куклами человека, мастера экстра-класса по их изготовлению (это – большое искусство, ведь тут и механика, и резьба по дереву, и пенопласт!). Сей молодой человек, бывший детдомовец, в суконном каком-то пальто, в шапке-пирожком (как правительство тогда носило) был такой странный! Понять, сколько ему лет, было невозможно. Мы его тепло приняли, накормили, и он остался в театре на столе ночевать, потому что у него вообще ничего не было...

Артисты ездили по области, показывали спектакли. Сцены в театре не было, но имелся небольшой репетиционный зал, где я поставила свой первый авторский спектакль.

Конфликт

Директором театра в то время был некто Идлин – опытный человек, ранее не один год занимавший солидный пост в милиции. Он всех нас принял на работу, но ни жилья, ни прописки нам не обеспечил. Мы трудились, но были абсолютно бесправны.

В один прекрасный день я стала невольным свидетелем ссоры между директором театра и главным художником, который одним ярким словом обозначил свое отношение к Идлину. В результате Эдик попал в милицию, и мой паспорт – тоже.

Вечером Юлик, его жена (журналистка Леночка Азерникова), и я Галочка Маневич (супруга Эдика) отправляемся вызволять Эдика из милиции.

На столе начальника отделения вижу свой паспорт. Он просит дежурного сделать запрос на мою фамилию. На меня произвели огромное впечатление скорость получения информации и ее точность... Паспорт то ли сразу, то ли позже, вернули.

Начальник милиции нас выслушал, сказал, что товарищеский суд назначен на завтра, и, чтобы добраться туда, мы можем воспользоваться их служебной машиной.

Чистой воды приключение!

Утром Леночка (со значком прессы, с запахом французских духов), Юлик (с зонтом-тростью в руках), Галочка Маневич (в серо-голубом шелковом платочке, с интеллигентным видом и тоже с зонтом) и я приходим к отделению милиции. Из-за кустов выезжает «служебная машина», воспетая в фильме «Место встречи изменить нельзя» – с застекленными окошками наверху и кузовом, закрывающимся на жуткую задвижку...

И вот наша живописная группа в машине. Но мы там не одни! Внутри уже находится несколько задержанных трудящихся, тоже отправляющихся на суд. В «салоне» полумрак. Посредине – гигантское запасное колесо, все сидят, поджав ноги. С одной стороны доносится дуновение французских духов, с другой – запах перегара. Замыкает композицию милиционер с автоматом.

Эдика выводят чуть ли не в наручниках и запихивают к нам, но мы рады, что он, имея то-о-онкое сердце художника, не наложил на себя руки...

У каждого задержанного – своя история (один набил морду соседу, другой участвовал в поножовщине в первый же день после выхода из заключения), но наша на всех производит особое впечатление. Предложили выпить из бутылки, ходившей по кругу. Мы вежливо отказались. Кому-то стало плохо, и лежащее перед нами колесо выполнило функцию урны.

У входа в здание суда, в позе Наполеона, заложив одну руку за лацкан плаща, стоял наш директор.

Судилище

Наше дело разбирали первым. Особо интересно было нашим «путчикам». Для них это был настоящий театр! Идлин в своей речи говорил, что главный художник его оскорбил, напал, вот у него медицинские справки... Юлик взывал помнить о том, что творческие люди... Леночка вышла: как ранимы художники... Потом настал мой черед, как единственного свидетеля конфликта.

Накануне, в отделении милиции, со мной закрылся в комнате милиционер, который предложил написать нужную ему версию конфликта. Здесь-то я и вспомнила прочитанную ранее соответствующую литературу и сумела выдержать прессинг.

На суде я повторила слово в слово то, что написала. Идлин кричал, что меня нужно выселить в двадцать четыре часа из Москвы за нарушение паспортного режима, что мой паспорт находится в милиции и мои показания, как свидетеля, недействительны!

Товарищеский суд выступления выслушал, потом разобрал это дело. В общем, история закончилась благополучно: Эдику присудили отработать пятнадцать суток на уборке города, Идлин отделался штрафом.

Судьбы

После этой истории Юлиан Калишер театр покинул. Стал режиссером мультипликации. Эдуард Штейнберг уволился, уехал во Францию, став известнейшим художником-абстракционистом.

Валечка Комолова тоже из театра ушла, занималась французским, рисовала и самостоятельно (снимаю шляпу!) поступила на постановочный факультет в школу-студию МХАТ. Она делала в Ленкоме костюмы к таким выдающимся спектаклям, как «Юнона и Авось», «Гамлет», «Поминальная молитва», «Женитьба Фигаро». Валя оформила около ста спектаклей в драматических и музыкальных театрах России, Англии, Канады, Израиля, Японии, работала со многими выдающимися режиссерами.

Меня тоже ожидали перемены в жизни. В театре я больше не работала.

Валера Смолин

Валера поступил в Севастопольский приборостроительный институт, причем, обладая гениальной головой, учился блестяще, потом все взял да и бросил. Пошел служить в армию.

Он часто бывал у нас в художественной школе, подружился с Евгением Андреевичем, но сам заниматься в СХШ не стал, хотя был человеком очень талантливым! И литературно одаренным: организовал у нас в «художке» выпуск самиздатовского журнала «Лукоморье» (вышло несколько номеров), где публиковались наши стихи, проза, рисунки. Валера неплохо зарабатывал и «на свои кровные» купил пишущую машинку, которая стала тогда у нас «печатным станком».

Нас же он боготворил, балдел от нашего творчества, все коллекционировал – любую почеркушку прятал, хранил, восхищался! Он бесконечно вел свои медитационные рассказы (как он останавливает облака и прочее), пересказывал Стругацких (от корки до корки наизусть!), был носителем огромного количества информации и жаждал ею поделиться, настолько был во все это влюблен – в фантастику, в поэзию, в искусство! А потом Валера стал вытачивать скульптуры из мрамора. Найдя в море какую-нибудь отшлифованную водой большую мраморную гальку, он присматривался к ней и начинал работать. Очень искусно! Абсолютное чувство красоты! Мы считали, что ему нужно обязательно быть скульптором.

Отношение к Валерке у меня было самое дружеское! Как и у него ко мне. Он называл меня Танаськой и всегда сиял при моем появлении. Мы все приходили в любое время друг к другу в гости – картинки посмотреть или что-то обсудить было в порядке вещей.

* * *

После службы в армии Смолин приехал в Москву и стал бывать в Арнольдовке, где Ян с ним иногда занимался живописью. И когда Валерка появился в квартире Валечки Комоловой, то был принят (бедная Валька!) в эту нашу «общагу».

У нас в то время жил кот Топсик. Серьезно относясь к животным, Валерка купил ему (на какие деньги?) гигантский блок мороженой

трески (громадный такой, который обычно не могут расчленить продавщицы и грохают ими об цементный пол рыбных отделов). Этот покрытый льдом оковалок Валерка притащил в дом и сказал: «Пусть лежит на балконе. Кот должен знать, что у него есть надолго еда, и не испытывать стресса!» И каким образом он отколупывал эту самую треску? Однако и мы (втайне от Валерки) иногда оттуда «отчленили», за что он порицал нас очень: мол, мы нехорошо делаем, что это Топсика запасы и так далее.

Валера был страшным недотрогой. Аскетом невероятным. И очень смущающимся. И вечно читал, поправляя очки на переносице.

* * *

Он все же решил поступать в Полиграфический институт и сдал экзамены великолепно, однако на «Истории КПСС» выразил все, что думает по поводу одного из пунктов билета. Преподаватель, увидев его отметки, сказал: «Считайте, что я ничего не слышал! Заново отвечайте!» Но Валера был неумолим: «Я повторю то же самое!» Таким образом, на последнем экзамене он получил «пару» и не был принят. По собственным убеждениям. Хотя Бурджелян благосклонно относился к его скульптурам, считая его очень талантливым.

После этого Смолин пошел работать в трамвайное депо, кажется, слесарем. Зарабатывал так на жизнь, снимал вместе с другими севастопольцами, поступившими в Полиграф, комнатку, готовил на всех, помогал очень ребятам, в том числе и Володьке Яшке. Но от этой жизни московской у него, видимо, началось эмоциональное переутомление.

Позже Валерка работал дворником на Хорошевском шоссе. Жил он тогда в подвальчике, в дворницкой, где хранились в ведре его метлы. Смолин, однако, был эстет, поэтому у него там стояли аккуратно сделанные им самим стеллажи, на которых ровными рядами разместились проигрыватель, пластинки классической музыки, книги, какие-то картинки, электроплитка, пакет гречневой крупы, пакет рисовой крупы, постное масло. Жил он аскетично: жесткое лежбище солдатское, минимум одежды, но все чистенькое и все на своих местах. Прибился к нему и котенок маленький.

Как-то я заглянула к Валерке в страшную стужу. С Арбата, где я работала тогда на «Союзмультфильме», автобус шел как раз в том направлении, и я решила его навестить. Пришла. На ногах – туфли (казалось, что зиму можно и так перебежать), и ноги за-косте-нели (мягко сказано)! Ввалилась к нему в подъезд и помню, как, пытаясь отогреться, засовывала в прутья батареи то одну ногу, то другую, потом спиной приложусь к батарее, животом... Валерки все нет и нет, а уже поздно! И вдруг дверь в подъезде хлопнула, и заснеженный человек – непонятно даже, кто – входит, отряхивается, и я вижу, что это Смолин! Радости моей не

было предела! Он заварил чаю, поставил музыку, что-то бесконечно рассказывал... С тех пор мы виделись чаще...

Когда я рано утром – в наши редкие встречи – ехала в автобусе на «Союзмультфильм», то видела в окне Смолина с метлой. Он добросовестно убирал свой участок...

Популярные профессии

Тогда многие интеллектуалы не брезговали профессией дворника, которая была практична и удобна. Ты утром отмотал по Хорошевскому шоссе, а потом у тебя целый день свободен. Жилье давали, где ты мог читать, слушать музыку, творить и приводить в порядок свои мысли. Кочегарами тоже по этим соображениям становились (таковым работал некоторое время и Евгений Андреевич в Абрамцеве, когда Севастополь пришлось покинуть)...

Валера стал отцом моего сына Ильи.

У Кирилла в каретном сарае

Ася Грабарь из кукольного театра имела сводного брата по имени Кирилл Леонтович, который работал дежурным психиатром по городу и жил на Кропоткинской. Во дворе одного дома стоял настоящий каменный каретный сарай, переделанный в квартиру, где обитал Кирилл. Уникальное жилище! Потолки метров пять высотой, в дверном проеме висело настоящее кресло (обитое бархатом, на цепях гигантских), сидя в котором, можно было раскачиваться из комнаты в комнату. Здесь были камин и террариумы с разными зверями, живой петух ходил по комнатам и клевал что-то с пола, жил белой масти пес Аксон гигантских размеров, было двенадцать экземпляров швейной машины «Зингер», с помойки принесенные железки, сетки-хренетки и прочее. А на полках стеной стояли книги, и одна из них – обложкой на зрителя. Было на что посмотреть. Яркая обложка с голубым небом в облаках и силуэтом подъемного крана со стрелой... Название: «Как бы порадовался Владимир Ильич».

У Кирилла было много приятелей (в прошлом пациентов соответствующей клиники) – талантливых людей, которые к нему приторочились, считая его отцом родным и братом. Эти незаурядные люди дружили и с нами.

Время от времени Кирилл устраивал для нас (все мы там были – кто художник, кто писатель) ужины, которые помнятся до сих пор – это было грутально художественно! Кирилл покупал окорок, который

мясник искусно нарубал тоненькими лепесточками, не разрушая формы. Кирилл клал окорок на большое блюдо и раздвигал его на тонко порубленные кусочки.

Окорока тогда и сегодня

Это сейчас у нас можно купить знаменитый испанский деликатес «хамон» из мяса черных кабанов, а тогда эту функцию выполнял сырокопченый окорок «Воронежский». По-настоящему сырокопченый! Из каких-то поджарых свиней с малым количеством жира, с мясом огненным. Подобный окорок изображен, кажется, у Кончаловского на картине, где Алексей Толстой сидит за столом и завтракает. Таким же угощали и нас.

Кирилл покупал также изумительного качества московские калачи в виде корзиночек с ручками, в бадье для выварки белья варил (по всем правилам!) борщ из трех сортов мяса – такой, в котором ложка стояла! Из лука, укропа хозяин дома делал затирку с чесноком и сметаной. Горячий матерый борщ, водка или вино, окорок, горячий хлеб – и все! Это было незабываемое меню!

Амбре, громадный стол, вокруг висят «Зингеры», какой-то офортный станок с колесом, картины, пилы, гвозди, петух («Ко-ко-ко!» по полу), Аксон («Бух, бух, бух!») и бесконечные рассказы...

Штрихи времени

Эпизод из профессиональной деятельности Кирилла. Вызов. Человек на Красной площади у Спасских ворот пытался постучать и громогласно провозглашал, что он и есть Коммунизм, который, наконец, пришел...

На вызове: пожилая женщина, прикованная к постели, над ней заботливый муж, восклицаящий «Олюшка... Олюшка...». Она пальцем попросила Кирилла приблизиться. «Вызовите немедленно ОГПУ, НКВД. Мой муж шпион и враг Родины. Арестуйте его. Он работает на вражескую разведку». Не хочется комментировать.

Подобные страницы тоже имели место в нашей жизни. Они были, конечно, всякие – с разными отношениями и сложностями, но и здесь нас принимали, и этот дом был тоже открытым и очень интересным местом в Москве. Кирилл являлся, безусловно, человеком талантливым и очень своеобразным!

За что в Полиграфе закрывали на ключ

Полиграф был тогда носителем аристократического отношения к рисунку и живописи, там был серьезнейший подход к дизайну книги и преподавали интереснейшие люди. Профессор А.Д. Гончаров (ученик В.А. Фаворского), любимым учеником которого был наш Евгений Андреевич; П.Г. Захаров (ученик П.В. Митурича), носитель потрясающей школы рисования; В.Н. Ляхов, преподававший книжный дизайн;

преподаватель живописи Ю.К. Бурджелян – в высшей степени демократичный человек. С кем только не дружил наш учитель! На каждую сессию Евгений Андреевич возил наши работы в институт и с такой любовью показывал всем преподавателям, что к окончанию им института все нас, наверное, уже заочно любили...

Милый обман

У Юрия Константиновича дома висела на стене маленькая, лихая очень акварелька Лили Дробязиной. Приходит Гончаров к нему в гости и говорит: «Юра, у тебя это Дюфи на стенке висит?» – Бурджелян отвечает: «Да! Поближе посмотри – там настоящий материал!» Гончаров видит контур, небрежные точки туши, акварельные заливки... «Юра! – говорит, – Да это же подлинник!»

Поэтому Евгений Андреевич и говорил, что нужно учиться только там, в приличном учебном заведении, где преподаватели способны картинку неизвестной девочки из ДХШ повесить на стену своей мастерской, как произведение Дюфи...

Наша старенькая секретарша Зоя Феликсовна, которой было то ли девяносто девять с половиной, то ли сто лет (на каблуках, с внешностью актрисы Яблочкиной, с прической 1913 года – волосы зачесаны и скреплены шпилькой) тоже представляла собой выдающееся явление. Если кто-нибудь из студентов, подвыпивши, шел, шатаясь по коридору, она могла ему сказать: «Иди за мной!» И цок-цок-цок каблуками. Большим ключом открывала комнату, где хранился натюрмортный инвентарь, и бросала: «Постелила тебе драпировку. Не смей делать то-то и то-то! Захочешь выйти – звякни в какой-нибудь горшок!» Студента забирали на ключ, и тот блаженно заваливался на пол и храпел. Сейчас найти подобные отношения невозможно. Тогда же студенты и в гости к педагогам ходили!

* * *

Блестящим преподавателем по шрифту был Михаил Варламович Большаков – полноватый такой, линзы толстые на кончике носа. Это был профессор всех профессоров шрифта: он мог написать любой текст, писать газетный шрифт самый мелкий, соблюдая при этом все милли- и микрометры, откосы, отвесы, толщинки... У него был заполированный ноготь на мизинце, и когда он смотрел наши, писанные куриной лапой шрифты (это было для него, эстета, конечно, испытанием!), то, расстраиваясь безумно, он этим ногтем отмечал, где можно было еще что-то исправить.

Наши умные, талантливые девицы тайно звали его «Бартоломео». Придя на консультацию, одна из них прихватила как-то своего спаниеля по кличке Бенедикт. Очки у МВ резко полезли вверх, когда он увидел неожиданного посетителя. «Бенедикт, поздоровайся с Михаилом Варламычем! Проходи! Сиди тихо!» Как ни странно, такой бумажный

человек, когда на него вот так, с игривым взглядом, он просто размякал... «Бenedикт, попрощайся с Михаилом Варламычем!» Потом, конечно, лишь бы побыстрее из аудитории свалить...

На одном из капутников в Полиграфе (они славились в ту пору по всей Москве) вышел на сцену наш Володька Довгань, обмотанный белой простыней, с гипсовой, хорошо известной головой Сократа на плечах и с очками на носу у скульптуры. Зал взорвался аплодисментами: все сразу узнали Большакова.

* * *

И сколько же нас, севаstopольцев, в Полиграфе училось! Но и ребятам надо отдать должное: они не посрамили чести своего института.

Столешников переулоч (лирическое отступление)

Он не был безупречной улицей с роскошными зеркальными стеклами и тротуарами, как сейчас, но это было место, где каждый день был шанс встретить кого-то из знакомых, обсудить новые фильмы, выставки, планы на будущее. Там были приятные места типа знаменитой кондитерской, где можно было купить пирожных, выпить чай-кофе, причем даже мы могли наскрести на это денег.

Был в Столешниковом и антикварный магазинчик типа комиссионки, где покупались детали для театральных костюмов, кукол, где можно было порыться в вышитых старушками наволочках, в кружевах, пуговках. Неподалеку находились Театральная библиотека (уютное пристанище всех театральных художников), Театр оперетты, два художественных салона, издательство и магазин «Чертежник» на Пушкинской (ныне Большой Дмитровке), куда ходили за бумагой, красками и кисточками, карандашами и где раскланивались то с одним, то с другим сотоварищем по искусству...

Штрих к моему портрету

У меня в этом магазине случился интересный эпизод. Так как творческие мысли роились, насакаивая одна на другую, и отключали от реальности, я, выбрав какие-то материалы (по тем деньгам, на сумму, предположим, пять пятьдесят), подхожу с десятью рублями к кассе платить.

Очередь. Кладу 50 копеек, резко отрываю половину купюры и бросаю: «Пять пятьдесят!» Кассир, повидавшая разные виды за свою практику, была парализована! Определенная логика в моих действиях, конечно, была: мелочь положила, половину десяти рублей отдала. Внимательно на меня глянув, она сочувственно спросила: «А вторая половина у Вас есть?» Не поленилась склеить банкноту и дать мне нормальную сдачу. Провожали меня соответствующими взглядами.

В Столешниковом переулочке кипела бурная жизнь! Жаль, что та атмосфера ушла.

«Мастер из Кламси» («Кола Брюньон»)

Вадим Курчевский (вспомни выставку моих кукол в ВТО) пригласил меня на съемки фильма «Кола Брюньон» в качестве «художника по фактурной обработке кукол». Так я снова оказалась в Спасо-Песковском переулке на «Союзмультфильме». В фильме достаточное место занимали репродукции картин старых мастеров (Рембрандт, Брейгель, Босх). Художник-постановщик Теодор Тежик хотел добиться эффекта живописи в куклах и декорациях, чтобы получалась общая живописная среда. Тежик пылко призывал то добиться эффекта фактуры коры старого вяза, то фактуры хвоста петуха в руках девочки в «Ночном дозоре» Рембрандта...

У меня лежала на столе палитра, склеенная из разных коробочек сигарет, спичечных и других коробков. И чего только в этом безумном лабиринте не было! Тополиный пух, битые ракушки и перепелиные яйца, ниточки, конский волос, шелковый очес, вата, бисер толченный! При помощи пинцета, клея и всяких «хирургических» хитростей я инкрустировала ровную поверхность вновь сделанных в мастерских кукол, создавая живописную фактуру.

Однажды ко мне в алтаре (сидела там, грешница!) подошла в стиле двадцатых годов барышня – с шарфом, завязанным на виске узлом, с красивым выразительным лицом, очень доброжелательная – Женечка Боголюбова. У нас возник творческий тандем. Она преобразовывала декорации, создавая их живописную среду из всяких стружек, старого клея, изображающего натянутую паутину, каких-то разбитых скульптур, черепков и прочего. Тежик как-то даже поджег макет, чтобы колоритно объединить все это! Чуть пожар не случился: мы его, к счастью, потушили. Вошедший к нам Вадим Курчевский понимающе сказал: «Обобщаете?» (без комментариев...)

Так как мы не числились с Женей в штате студии, то в титры не попали. А жаль, потому что фильм этот – особый. После него художники стали шире смотреть на возможности кукольного фильма, в смысле фактур.

Последний институтский аккорд

Руководителем диплома, по моей просьбе, был профессор Гончаров. У меня остались очень теплые воспоминания о работе с Андреем Дмитриевичем. Выбрали с ним сборник новелл швейцарского писателя Готфрида Келлера «Сказка про котика Шпигеля».

Сделала три варианта иллюстрирования. Первая часть – макет книги со сметой и техническими разработками, графические иллюстрации. Вторая – полуобъемные макеты (те же иллюстрации, но в полувъеме). Третья – объемные куклы (настоящие, большие!).

Андрей Дмитриевич был удивлен количеством сделанного и, почувствовав любимый «запах кулис» (в юности ставил знаменитую «Синюю птицу» во МХАТе), тепло отнесся ко мне.

Помню его очаровательное замечание: «Ну, милый человек, здесь же сказано, что ведьма, полуобнаженная, вылетает из трубы... Почему вы не отразили это в иллюстрациях? Это привлекло бы внимание читателя!»

И я дорисовала ведьму, летящей в прозрачных одеждах. Сделала и куклу – полуобнаженную ведьму на настоящей метле (дворничиха дала метлу и рогожи, ручку я укоротила). У куклы той были сапфировые глаза и волосы из веревки, ниже – рогожа. В контрасте со всем прочим – чернокнижник, его реторты, коллекции бабочек и прочее – это было очень выразительно!

Защитилась я на «отлично», и после защиты подарила обнаженную ведьму Андрею Дмитриевичу. Он смутился, но взял. Помню его, идущего по коридору Полиграфа и несущего наперевес метлу с той ведьмой.

Потом мы прощались с Шапирой на институтском крыльце. И Валька, шмыгнув носом, мне, беременной, с пузисом, говорит: «Ну что, напьемся сегодня?» Наклоняется ко мне и простодушно спрашивает: «Скажи, а сухое вино, правда, из порошка делают?» Степень наивности ее к моменту окончания института была понятно какой.

Валя в скором будущем покидала страну, мне же пришла пора возвращаться в Крым и стать мамой.

В Тифлис!

Однажды мне в Севастополь пришла из Москвы телеграмма от Женечки Боголюбовой: на телевидении есть вакансия в творческом объединении «Экран».

Урок от мамы

Я, естественно, обратилась с вопросом к маме (ехать или не ехать?). После недолгой паузы – ее вердикт: «Люда, хоть Илюша маленький, думаю, ты должна воспользоваться этим шансом. Мне проще сказать: оставайся, будем вместе растить ребенка! Но зная, сколько лет и усилий ты потратила на получение образования, считаю, ты должна ехать в Москву. Останешься – вскоре начнешь казнить себя, что не воспользовалась такой возможностью. Это будет замечать твой сын. Ты не добьешься того, чего хотела изначально. Полагаю, это наихудший вариант. Поезжай! Пока у меня есть силы, помогу».

Восхищаюсь ее мудростью! Следовало идти вперед, добиваться цели. Я имела феноменальную поддержку!

Телевидение – режимное предприятие, было собеседование, приняли работать ассистентом. Вскоре последовала командировка в Тбилиси на студию «Грузия-фильм», где предстояло снять одну из

десяти серий кукольного фильма «Волшебник Изумрудного города» по повестям Александра Волкова. Для ускорения дела работу разбросали по разным студиям.

За съемку серии «Корабль старого моряка» взялся режиссер Карло Сулакаури. Галя Беда работала на этом фильме художником-постановщиком, меня назначили ее ассистентом. На студии шутили: «Беда с этой Танасенко!...»

Это была моя первая работа на телевидении.

* * *

Поселили нас в гостинице «Тифлис». Номер был большой, и мы решились, что сможем здесь рисовать. Совершили злодеяние: сами вкрутили лампочки по сто ватт вместо сороковаттных... За окном – прекрасный город, горы!

На работе мы потрясали воображение мужского населения киностудии, буквально со скоростью звука расписывая задники и декорации, сами, что нужно было, чинили и даже подтягивали за собой технический персонал, помогавший обслуживать фильм.

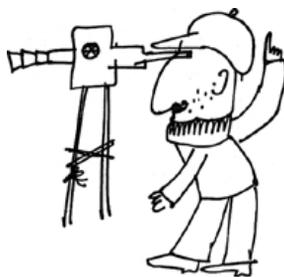
Помню, как создавали с Галей сад волшебницы Виллины, заросший ягодами и цветами. Решение выбрали простое: шарики из пластилина (в форме клубники) макали в пшеничную крупу и красили гуашью. Подготовив макет к съемке (на одном столе стоит моряк со штурвалом, на другом – сад волшебницы), побрели, усталые, в гостиницу.

На следующий день роскошный сад Виллины стал серым и облезлым: каждая клубничка была обгрызена крысами. Завершал композицию нос матроса, откушенный и, к счастью, выплюнутый серыми тварями на макет... Это было невероятно смешно!

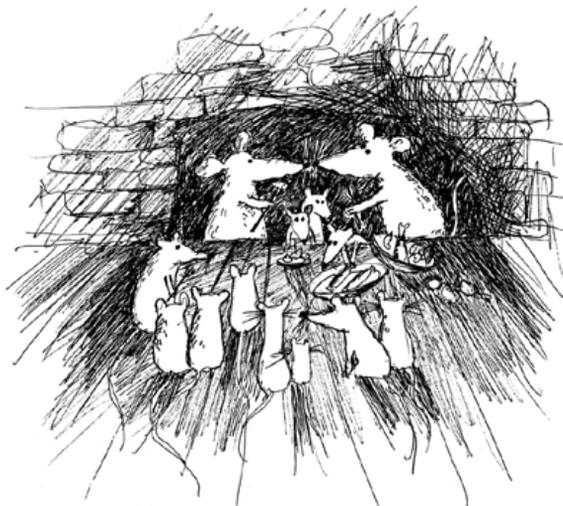
Кому лучше всех жилось на студии

После истории с садом Виллины Карло собрался пригласить грузинку, которая заговорит крыс, и они исчезнут. Но каждый вечер, покидая студию, он оставлял им еду – остатки хачапури, лобио и прочие недоеденные изумительные яства. Ночью крысы могли не только мотаться по всему павильону, но и мило закусить.

В павильоне обитало семейство крыс. Надо отдать должное, они соблюдали известную субординацию. Из определенной норы высовывался папа-крыс (мог бы сыграть в «Щелкунчике» Крысиного короля!), озирался по сторонам (нагло, при нас!), сначала явно оценивал ситуацию: так, эти – снимают, те – сидят на диване, можно прорваться на крышу! Потом он пулей вылетал из норы, пересекал павильон (мы едва успевали приподнять ноги!), по вертикальной стене за секунду влезал на крышу и куда-то мчался по своим крысиным делам... Потом тот же путь проделывался в обратном направлении. Кто-то визжал, у кого нервы покрепче были, повизгивали.

К весне начались любовные игры. Из норы неслошь чуть ли не хихиканье! Через какое-то время семья размножилась, прогулки стали коллективными. Так продолжалось во время всего съёмочного периода.

Возвращались мы с работы в гостиницу поздно вечером, когда все уже было закрыто (даже еды нигде было купить), особо ничего себе не позволяли, умудрялись, правда, иногда сходить в концертный зал послушать классическую музыку. Не забуду прогулки по городу, фантастическое его пространство, красоту серных бань, рынков, хлебопекарен...

Провожали нас грузинские коллеги очень тепло.

Большие перемены

Вскоре я осмелилась подойти к начальству с просьбой дать мне сделать авторский фильм. Они пошли на риск, и я стала художником-постановщиком фильма «Волк и семеро козлят на новый лад» – сценарий Юрия Энтина, режиссер Леонид Аристов, восхитительная музыка Алексея Рыбникова.

Бедный Леонид Варсонофьевич! Классик «Союзмультифильма», и вдруг ему «вручают» такого постановщика, как я – неопытного абсолютно!

Я сразу предложила использовать для персонажей пластик, который выглядел, как бисквитный фарфор. Идея была навеяна словом «клавесин» из сценария.

Именно на этом фильме пришла также в голову мысль сделать разъемную перекладку, да еще с полуобъемными персонажами! Фильм был сделан и даже у многих вызвал симпатию.

Тайны мультипликации

Евгений Андреевич считал нас, конечно, художниками с большой буквы, и у него сердце разрывалось, когда он видел, что мы занимаемся шрифтами или мультфильмами. Личное творчество (то, что он в нас обожал) Учитель считал более важным, чем трата сил на зарабатывание хлеба насущного. Тем не менее, однажды я получила от него комплимент, связанный с моей профессией.

Как-то мы сделали кукольный фильм «Ах, принцесса!» по мотивам восточной поэзии (Омар Хайям, Низами, Бабур). Помимо милой любовной лирики и еще каких-то очаровательных кусочков был там и такой момент: налетает некая ведьма, все арыки высыхают, рыбы кости валяются, пески, растрескавшаяся земля...

Вдруг – звонок: «Люда, это Евгений Андреевич. Случайно увидел твой фильм. Хочу похвалить тебя! Восхищен среднеазиатскими пейзажами и делаю тебе комплимент, как художнику». У меня даже руки задрожали! Учитель обожал и хорошо знал Среднюю Азию, куда не раз ездил художником в экспедиции. Я поблагодарила его, как-то там отшутилась, а потом с иронией вспомнила, как создавалось все то, что так ему понравилось.

* * *

Из своего вольного художественного воспитания я всегда пыталась привнести в создание мультфильма всякие новаторские моменты. Доходило порой до смешного, когда мы использовали в качестве материалов, что называется, подножный корм...

Фильм «Ах, принцесса!» – переключочный: снимался на горизонтальном станке (ярусы стекол, фон внизу). Я не любила обращаться в центральные мастерские телевидения и сидеть в очереди перед кабинетом главного инженера с чертежами в руках (чертеж пустыни, чертеж арыка или каких-то восточных сооружений). Мне было куда проще сооружать все декорации самой, чем чертить их на миллиметровке. Поэтому мы с художником Леной Зелениной работали тогда у меня дома. Купив медицинского гипса, намазали вазелином большое стекло, вылили на него гипс, потом кухонным ножом вырезали восточные окна, что-то по мокрому гипсу поцарапали, нарисовали камешки, вставили в окошко битое стекло от бутылки. Когда гипс схватился, никак не могли его от стекла отодрать, что-то кусками побилось... Короче говоря, из кучи этого гипса белого было сделано несколько архитектурных эскизов, которые нам представлялись при слове «восток». Мы не побежали в библиотеку, изучать архитектуру, философию, растительный мир, животных Востока, а закрыли глаза и действовали по памяти или по наитию.

На балконе у меня лежала в баночке изумительной красоты битая яичная скорлупа лазурного цвета – как на Востоке керамика! Жалко было выбросить. Посыпали мы гипс мокрой скорлупой, а так как это был пищевой анилин, то лазурь по гипсу расплзлась, и красоты все стало неопишущей! Будто старая штукатурка или старинные изразцы. Когда началась съемка, мы притащили эти дома на студию, и можно было без всяких чертежей соединять фрагменты, превращая их то в забор, то в часть мечети, потом менять элементы местами и создавать что-то другое. Трансформер такой.

Потом – пустыня. Если ее покрасить – тоска! Хотя можно было поработать над фоном: один эскиз – пустыня при закате солнца, другой – еще что-то. Но мы вспороли стоявший в павильоне пожарный мешок, высыпали из него на стол песок, прошлись по нему расческой – получились барханы. Ракушечки, камешки отобрали и бросили на первый план. В курилке стояла пальма, обросшая волосами. Пока нас никто не видел, оторвали от нее внизу волосы, сорвали один высохший лист. Из листа, расчесав его, сделали ковыль, из волос – шарики перекаати-поля на первый план.

В техническом коридоре стояла какая-то импортная упакованная аппаратура. Через щель одного ящика я отодрала кусок очень мягкого целлофана, намотав его на руку и положив в карман. Он был необычного бледно-голубого цвета, тончайший (мы такого не видали!) и очень пригодился, став арыком. Целлофан мы положили, вытянули, закрепили пластилином, разметили панораму, как его тащить, а сверху установили намазанное вазелином стекло, чтобы разбить фактуру целлофана и создать блики. Целлофан тянули, он бликовал, через вазелин не было видно, из какого материала этот журчащий голубой ручей... Получился живой арык!

Кипарисы вдали в этой пустыне прямо на стекле нарисовали. Хорошо помню крымские пейзажи: там где-то три кипарисика, тут – один, какая-то там полосочка... А когда оператор поставил свет, все это, понятно, заиграло!

Саша Татарский

Однажды у нас в студии появился молодой человек с весьма яркой и привлекательной внешностью – высокий, с черными кудрями. Саша Татарский. На всех произвел ошеломляющее впечатление его фильм «Пластилиновая ворона», который имел бешеный успех! Хотя в далеком 1981 году (сейчас в это трудно поверить!) и сам мультик, и музыку к нему «верхи» не приняли. Цензура вообще решила запретить «Ворону» как «идеологически безыдейную». Но тут произошло

неслыханное: ведущие «Кинопанорамы» Ксения Маринина (вечная ей память!) и Эльдар Рязанов, вопреки цензорам, показали мультфильм в одном из выпусков. Затем были призы международных фестивалей и море поклонников.

Художником у Саши был Игорь Ковалев, ныне известный в мультипликации художник и режиссер. Но когда Татарскому в 1983 году нужно было делать фильм «Падал прошлогодний снег», Ковалев по какой-то причине отсутствовал. В кабинете у нашего редактора Саша случайно увидел мои эскизы к фильму «Большой секрет для маленькой компании» по сценарию Юнны Мориц – стилизованные полуобъемные персонажи, обтянутые махровым полотенцем и разными тряпочками, непритязательные и на любителя. Татарский посчитал, что наши вкусы близки, и у нас состоялась встреча. Я пригласила его домой, чтобы мы познакомились, он посмотрел мои работы и получился какой-то альянс.

В рисованной мультипликации я никогда не работала. Подход, который нужен был Саше при работе над фильмом «Падал прошлогодний снег», меня страшно испугал и вогнал в комплексы, потому что я привыкла делать персонажи без эскизов, на горячую руку, о чем не раз упоминала. Нужен, допустим, ослик – ты берешь и сразу делаешь его (все знают, как он устроен), а по мере создания можно, к примеру, уши удлинить или укоротить и так далее. Поэтому я растерялась, когда Саша, будучи супер-мультипликатором, стал виртуозно выверять каких-то бабушек-старушек, длину их носа, ширину и длину юбок и прочее... Подумала: «Боже мой! Я же не смогу вот так – с кучей рисунков сидеть и выправлять эти носы!»

Мы все обсудили, и я поняла, что есть «постоянный» персонаж – дворник, который мелькает и в «Пластилиновой вороне» (у Саши был симпатичный принцип, когда какой-то персонаж мог кочевать из одного фильма в другой). Это и стало отправной точкой. Неожиданно для себя я сказала: «Саша, давайте расстанемся с Вами дня на два. Я все приблизительно поняла и попробую в материале сделать то, о чем Вы говорите». И он ушел.

Я посидела, подумала, достала свой пластик и слепила 63 персонажа. И так как технология забавна (все это нужно варить в кипятке), то стояла с шумовкой у плиты и вынимала из кастрюли в суповую тарелку свиней, ноги, части мужика, бабок и всего прочего. Получилось громадное блюдо с наваленными на него, как пельмени, отварными частями тел будущих персонажей... К приходу Саши всех по запчастям собрала и выложила на белом кухонном столе (заняли всю столешницу).

Входит Саша. Эффект был – взорвавшейся бомбы! Он подскочил к столу, стал все это брать в руки! Страшного, как смертоносный яд,

саблезубого зайца, он вообще осыпал поцелуями! «Я влюблен в этого зайца!» – говорил он (страшилище жуткое, в чем вы сможете убедиться, как-нибудь еще раз увидев фильм). Как ни странно, все было принято в тот же день, с первого захода, без каких-либо дополнительных рисунков и эскизов.

После этого я Саше призналась, что пошла таким путем лишь потому, что ни рисовать, ни фазовать, как мультипликаторы, не могу. В фильме используется пластилин, а это же объем, причем между рисунком и истинным объемом возникает большая разница. Мне легче все это сразу лепить.

Предложила также Саше немного «обмануть» зрителя: фильм пластилиновый, но этот материал устает под камерой, плавится, поэтому хорошо бы ряд не меняющихся деталей выполнить из цветного пластика (например, туловище мужика, его сапоги, некоторые головы). Так и сделали. Пластик брался того же цвета, что и пластилин (в кадре их не различить), но не таял под приборами, не мялся. Так было слеплено огромное количество дополнительных деталей и декораций, которые очень выручили.

Работа была безумно интересной, причем объем оказался огромным: Саша многое допридумывал, и приходилось на ходу все это лепить. Так было со сценой в избушке, например. Саша входил и говорил, допустим: «Люда, домик мужика, который ему представляется – богатые хоромы, на стенах висят чучела диких зверей с рогами, еще что-то...»

Конечно, можно было заглядывать в книги, сидеть и работать над интерьерами, но я была в крайне жестком режиме: мой юный отпрыск ходил во второй класс, нужно было забирать его в определенное время с продленки, поэтому я не могла оставаться в группе допоздна, участвовать в пылких творческих процессах и беседах. Отведя утром сына в школу, я уже в половине девятого сидела за рабочим столом на телевидении, чтобы успеть до шести вечера побольше сделать, в то время как остальные, чувствуя себя более или менее свободными художниками, могли позволить себе прийти чуть позже.

Из бурной жизни на Киевской киностудии

Нередко Саша рассказывал об их дивной юношеской жизни на киностудии в Киеве, где он прежде работал. Причем делал он это своеобразно. Как-то говорит мне: «Люда, как Вы думаете, сколько литров воды входит в мягкий стул?» – «Затрудняюсь ответить», – сказала я удивленно. – Он: «Ровно три литра!» – Это вызвало у меня, естественно, определенный интерес, и я спрашиваю: «Как это?» – Выслушиваю подробнейший ответ: «Мы с ребятами делали так: берешь мягкий стул и медленно выливаешь в сидение трехлитровую банку воды. Сидение наполняется водой, но внешне это незаметно.

Приходит на работу какая-нибудь милая девица в юбочке, отодвигает стул, подкрасив губки, садится...» Дальше, думаю, любой сможет дорисовать, что происходит... Радости тех, кто туда эту воду наливал, не было границ!

Подобные проделки случались там постоянно, все время кто-то над кем-то подшучивал. У нас же это не очень было принято: все только бегали по урбанистическим коридорам телевидения и грезили о хороших фильмах. И вот, что последовало дальше...

Привет из Киева!

В соседней комнате работала съемочная группа фильма «Кот Леопольд». Толя Резников, режиссер этой группы, как-то попросил оставить в нашем холодильнике пачку известных тогда всей Москве «Сибирских пельменей», на что Саша Татарский щедро сказал: «Конечно, Толя, оставляйте!»

Едва Резников из комнаты вышел, Саша (с видом заговорщика) подходит ко мне и, открыв эту пачку, говорит: «Люда, Вы не могли бы слепить из своей пластмассы точно такие же пельмени?» – С трудом ловя его мысль, отвечаю: «Да, Саша! Конечно!» И я, действительно, талантливо повторила эти пельмени и даже ножницами фирменно обрезала край, как заводской (мастерство мое отточилось из-за лепки с утра до вечера на этом фильме). Саша извлек из пакета Резникова штук пять пельменей и положил вместо них наши – точно такие же! Резников забрал вечером пельмени, поблагодарил и удалился. Саша приветливо ответил: «До свидания, Толя!»

Придя домой, Резников, видимо, высыпал пельмени в кастрюлю, они сварились. А пластмасса эта, пока варится, еще слегка резиновая, но когда ты ее выкладываешь на тарелку, она в течение пары минут остывает, превращаясь в камень. Можно себе представить, что было с Резниковым, когда он приступил к трапезе...

Утром он пришел к нам, выражая страшное возмущение. Смех в группе был гомерическим! Саша при этом с невинным видом смотрел на него. Резников заявил, что ноги его больше здесь не будет, тем более, у нашего холодильника, и гордо удалился.

Прошло некоторое время. Все забылось, улеглось. Стук в дверь. Входит Резников: «Саша, могу ли я воспользоваться вашим холодильником и оставить сосиски?» Саша отвечает: «Да-да, конечно, Толя! Оставляйте!» Резников оставил сосиски. Ко мне кошачьей походкой подходит Татарский и просит: «Люда, Вы не могли бы точно подобрать пластилин и слепить пару сосисок?» – Отвечаю: «Саша, я понимаю, что за этот месяц мое мастерство возросло и безусловно... Но, может быть, мы вспомним о пельменях?» – Он: «Очень Вас прошу!» Я не смогла устоять перед чарами Татарского: препарировала две сосиски, извлекла их из целлофана, подобрала точно замес пластилина, слепила такие же сосиски, чудом запечатала их в этот целлофан и так же, как все сосиски, свернула цепочкой. Саша уложил их в кулек и оставил в холодильнике. Резников поблагодарил за хранение и удалился. На следующее утро (по правде говоря, я уже с интересом ждала появления Резникова) он метал молнии и громы! Остальное можно себе дорисовать. Это было бесподобно!

Еще одна история. Телецентр был организацией закрытой: на входе дежурили милиционеры и следовало предъявлять пропуск. Как-то Саша вклеил туда резиновым клеем поверх своей фотографии фото французского актера Бельмондо и месяца полтора предъявлял пропуск на вахте в открытом виде, пока один из стражей порядка это не заметил...

Саша, конечно, сгорал на работе. Это был просто Везувий, а не человек! Он бесконечно фонтанировал идеями, забегая вперед, возвращаясь назад, придумывая все новое и новое! Он потрясюще чувствовал ритм времени. Тогда его упрекали за слишком быстрый темп в его фильмах, а уж «Падал прошлогодний снег» вообще считали чуть ли не крамольным, потому что глаз не успевает глядеть, как из мясорубки появляются солдаты или кактус превращается в мужика.

На самом же деле, Саша ходил в кинотеатры, следил за реакцией детей, затем собирал их вокруг себя и расспрашивал, что за чем следует? А потом сам удивлялся, когда дети могли точно вспомнить, как что перелепливается и что за чем следует, не перепутав эпизоды. И он резюмировал: «Это дети уже другой формации. И мультипликация должна перестраиваться ритмически!» Потому что за то время, пока мальчик подойдет к двери, ее откроет и посмотрит, что в комнате, можно многое успеть показать, чуть ли не всю его биографию. Ритм жизни, ритм музыки, ритм всего вокруг менялся. И он шел в ногу со временем, был настоящим авангардистом!

Саша мог в студии сидеть допоздна и даже ночевать. По семейным обстоятельствам, я не могла себе тогда этого позволить, и мне очень жаль: полагаю, наши отношения стали бы более близкими. Я боготворила Сашу за его талант и глубоко уважала его как личность. С ним мы сделали еще «Новогоднее поздравление Деда Мороза».

Саша обожал детские игрушки. В этом мы были с ним похожи. У него имелась большая коллекция Дедов Морозов, причем он их любил, как живые существа: мог осыпать их поцелуями, приходил от них в восторг.

* * *

Он умер на пятьдесят седьмом году жизни во сне от остановки сердца. На прощании с Сашей в Доме кино (это было в Белом зале, где мы всегда показывали свои фильмы) я к гробу не подошла, а просто положила букет в какой-то открытый футляр от скрипки, лежавший на авансцене. Мелькнула мысль, что меньше всего Саша хотел бы, чтобы я смотрела на него не-в-движении... Потому что всегда буду помнить его вот таким – влетающим в комнату то с баллоном огнетушителя, то еще с какими-то шутками.

Потрясло то, что все улицы около дома кино были заставлены автомобилями – от самых неприятельных до безумно дорогих. И переполнен был не только прощальный зал (кто сидел, кто стоял в проходах), абсолютно забиты людьми были и фойе, и лестницы... На мониторах крутились Сашины фильмы и документальные кадры о нем: вот он маленький, с мамой, и уже тогда на лице этого мальчика все было написано. Отец его – знаменитый киевский сценарист. И мне было

приятно, что Саша на южный манер всегда называл его папой: «Папа сказал», «Мы с папой». Такое вот интимное, непринятое почему-то сегодня слово (все говорят «отец» или «предок»).

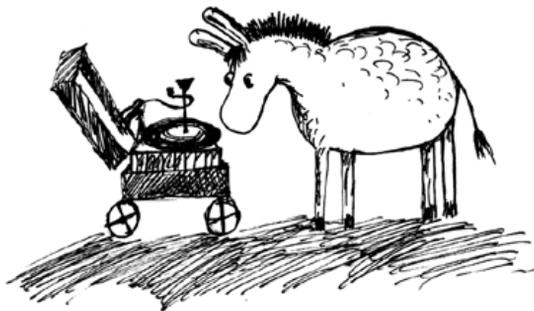
Я тогда подумала: «Боже мой! Какие нужно было иметь психику, здоровье, чтобы вот за эту короткую жизнь и не такую уж длинную в Москве просто физически пересечься и обмолвиться хотя бы парой слов с людьми, чтобы все они пришли с тобой проститься – известные актеры, композиторы, музыканты, не говоря уж о кинопублике, мультипликаторах всех студий, которые Сашу очень уважали. Были и совсем незнакомые с ним люди, какие-то старики, дети».

Все это произвело на меня неизгладимое впечатление, но я не хотела там больше оставаться и побрела куда-то по улицам... Знаю, что на похоронах на Миусском кладбище были тоже сотни людей и звучала мелодия из нашего мультфильма «Падал прошлогодний снег»...

Юлиан Калишер

С Юлианом Абрамовичем сотрудничество наше возобновилось, но уже в мультипликации. Я видела абсолютное доверие и, как художник, ощущала себя любимой и защищенной.

Мы сделали вместе много фильмов, никогда не утомляли друг друга бесконечными разговорами о замыслах. Читали сценарий, коротко обсуждали, и я бралась за работу. За ночь могла сделать два больших эскиза. Приезжал Юлик (всегда с букетом цветов – он был крайне учтив и внимателен к женщинам...), лучезарно улыбаясь, говорил: «Людонька, ну это все точно так, как я себе представлял! У меня никаких замечаний!» – «Юлик, ну ты хоть что-нибудь скажи критическое! Чтобы я хвостом шевелила больше!» – «Что я буду говорить! Мне абсолютно все нравится!» Эти его комплименты были чем-то сродни похвалам Евгения Андреевича. Это была близость взглядов на ту меру условности, которую Юлик любил и которая шла у него от кукольного

театра. Некоторым же казалось, что Калишер как-то с легкостью все делает...

Через годы

Моя коллега, режиссер Марина Новогрудская, однажды сказала: «Как мы не понимали? Ведь это, на самом деле, был отход от рутины, поиск новых форм!»

Наполовину это было также вызвано ленью (в хорошем смысле этого слова). Краткость позволяет лучше напрячься и выкрутиться из предложенной ситуации, ведь дотошность некоторых мультипликаторов может до зубного нитя довести! Где надо, там следует выложиться до последнего! Но где необязательно, можно придумать какой-то иной ход.

В нашей группе всегда работали, в основном, мужчины, что было замечательно! Мы вместе пили чай, к чаю все что-нибудь приносили. У Юлика в кармане для девочек непременно имелись конфетки или апельсин. Мы не писали коллективных писем, не обсуждали никого в коридорах и даже не записывались на приобретение каких-либо дефицитных в то время электроприборов типа утюгов или электровеников. И старались сдавать все в срок.

Благодаря такому отношению к своей работе мы добились того, что нас никто никогда не контролировал. Мы были абсолютно свободны и даже позволяли себе иногда устроить для группы семейный уикэнд, уезжая от речного вокзала по Москва-реке куда-нибудь на пленэр, где валялись на траве, играли в футбол, отдыхали. В такой день мы просто закрывали свой павильон на ключ и были уверены, что работу все равно закончим вовремя.

Это были счастливейшие годы такого понимания работы, когда на ходу можно было обсудить какие-то режиссерские моменты, музыку и прочее, шло, что называется, «считывание с листа».

Наша дружба с Юликом, начавшаяся еще в юности, продолжалась все эти годы, но сотрудничество прекратилось, когда мы все, в связи с крахом империи, дружными рядами покинули замечательную студию «Экран», создававшую в недрах телевидения детские фильмы, причем много, чуть ли не сорок частей в год, да еще ручного труда – без компьютерной графики и прочего! То, что эта студия прекратила свое существование, есть факт крайне печальный. Думаю, она вполне могла бы дожить и до этих дней, когда работа с детьми столь актуальна, когда ищутся новые формы, как им то или иное преподать, рассказать.

А сколько в свое время на студии «Экран» работало талантливых людей! Среди них – Натан Лернер, Марина Новогрудская, Аида Зябликова, Гена Смолянов и другие замечательные художники и режиссеры.

Лена Зеленина

С Леной вместе мы трудились почти над всеми фильмами – вдвоем, без всяких мастерских полностью делая фильм. С таким подходом, мы могли бы создавать изобразительное решение к пяти-шести картинам в год. Более выгодной группы на телевидении, наверное, не было. В расчет этого никто не брал, конечно, но я считаю, что это идеальный путь: пока ты объяснишь мастерам, как что делать, проще все сделать самому.

Лена была яркой, изящной красоткой со сложным, очень индивидуальным характером. Она тоже умела из ничего сделать что-то (это был принцип нашей группы!). О том, как мы работали с ней над фильмом «Ах, принцесса!», я уже рассказывала. Так было на всех фильмах. Порой удавалось найти авангардные решения: могли налить на стекла воду, нарисовать на них что-то прямо под камерой, использовать все, что лежало вокруг нас в павильоне.

Помогал нам и демократизм Юлика Калишера. Когда однажды в кадре был забыт молоток, он сказал: «Девоньки, ничего страшного! Ну, кто его заметит, когда здесь некто бегают на первом плане?!» Мы с ужасом ждали появления на экране молотка, но на него, действительно, никто не обратил внимания.

Обычно мы встречались с Леной у меня дома, раскладывали на столе все, что в доме имелось, и лепили из разных материалов персонажей (она – по одну сторону стола, я – по другую). Использовали и всякий подсобный мусор, при этом Лена винила меня за соби́рание разного барахла, которое, однако, нас порой сильно выручало.

Не забуду работу над фильмом «Босой ученый», где были китайские воины, которых мы лепили из пластика, не зная, как выглядят их одежда (можно было, конечно, погрузиться в энциклопедию...). Когда дело дошло до того, как фигурки наши превратить в воинов, Ленка говорит: «Может, посмотришь на балконе в твоих баночках?» Действительно: в одной из них стояли кости от двух громадных карпов, запеченных некогда в печи. При разделке этих рыб я натолкнулась на феноменальной формы кости их черепушки и на удивительной красоты жаберные щеки, которые отмыла горячей водой, прочистила щеткой и, как Плюшкин, отнесла храниться на балкон.

За время пребывания там кости побелели, став по виду как фарфоровые. Из жаберных щек карпов мы сделали нагрудные латы, из черепушек, воткнув их в головы и подкрасив чуть-чуть серебром, соорудили отличные головные уборы! Можно было, конечно, достичь желаемого лепкой, но подлинный материал дал эффект просто потрясающий! Мы ликовали!

Позже, на развале книжном, я обнаружила том по истории Китая, пролистала его, наткнулась на этих воинов и улыбнулась: мы с Ленкой стояли совсем рядом с истиной.

Всегда с благодарностью вспоминаю наш с Леной творческий союз.

Фазиль Гасанов

Этот человек с яркой восточной внешностью (лицо – с персидских миниатюр!), джентльмен необыкновенный, был потрясающим мультипликатором. И знатоком женщин.

Фазиль относился к нам очень нежно, с уважением. Он был исключительно внимателен и, если что-то нужно было дорисовать, долепить, всегда нам говорил: «Девочки, идите, я все сделаю!» Это было нам большой поддержкой, а его отношение ко мне было обозначено фразой: «Люда для меня больше, чем женщина!» Мы все легли на свои рабочие столы от смеха!

Фазиль позволял себе иногда шутить, сняв какой-нибудь незапланированный эпизод. Всем, кто знает покадровую съемку, понятно, что лишний раз напрягаться по кадрам, есть большая роскошь для мультипликатора. В фильме «Послушный ученик» было три индийских красотишки, целомудренно танцевавших с узелками на плечах, а гуру, тоже с узелком за плечами, покидал город. Фазиль не поленился задержаться на работе и тайком доснять эпизод, когда этот седой гуру (с редкой бороденкой, в белом хитоне) выходит за городские ворота, а вслед ему выскакивает вдруг одна из красавиц и, пылко шевеля бедрами, шлет старику воздушный поцелуй.

Когда на просмотре материала в темном зале мы вдруг видим: сцена закончена, гуру удаляется и на этом – все! Но вдруг появляется эта красотишка... С нами от смеха была просто истерика! Вот какой очаровательный подарок мы получили от Фазиля! Не поленился, чтобы порадовать нас.

Фазиль работал у нас практически на каждой картине. Он виртуозно владел перекладкой! И мерой условности тоже.

Иные времена

В последние годы мы ушли от кукол и перешли на объемную перекладку. На «Большом секрете» это были, например, картонки, обтянутые махровым полотенцем и расписанные. А для «Босого ученого» делали из пластика необычные куклы – с полуобъемным туловищем и объемной головой. Решение такое приняли, чтобы не фазовать бесконечные повороты головы.

* * *

Но с тех пор прошло уже двадцать лет. Многое успело измениться: мультипликация зовется анимацией, пришли новые технологии... Однако для достойного пользования компьютерными программами нужно обладать вкусом, фантазией, умением построить композицию. Владеть компьютером – лишь техническая сторона дела. Но как сделать так, чтобы он не чувствовался? Просто технический какой-то прием применить – это ничего не даст. А вот уметь «обмануть» при помощи рассыпанного песка, впечатав его по пустыне, или вписать трещины, журчащий ручей так, чтобы смотрелось все органично, будто это – вокруг нас... И не нужно все от и до делать серьезно. Тогда это будоражит фантазию, и ты из недр вдруг вытаскиваешь такие решения, какие приходится принимать полемому хирургу во время операции. В этом и состоит искусство.

Квинтет

Валечка Комолова вышла замуж за очень талантливого человека – Петю Сапегина, тоже закончившего школу-студию МХАТ. Петя с детства любил Доре, феноменально рисовал – свободно, невероятно смешливо (обладал необычайным чувством юмора!). Разговаривая по телефону, он всю приходящую изрисовывал всякими персонажами – Симсами, Пимсами, королевскими жопокрылами... Там были и смешные шаржи на Игоря Квашу. Помню, он рифмовал: Кваша-антраша, создавая совершенно беззлобные стишки и картинки. Все это было на обоях. Когда они переезжали, Валя даже хотела этот блок изрисованных обоев вырезать для личного архива.

Немая сцена

Петя был прекрасным сценографом, мог классно своими руками из дерева делать копии настоящего оружия: арбалеты, самурайские мечи и т.д. Однажды мы с моим сыном Ильей стали жертвами досмотра в Симферопольском аэропорту и были сняты с рейса за провоз самодельного Петей «оружия», которое лежало в рюкзаке Ильи. Нас вели через зал ожидания как террористов.

Он ставил первые пантомимы Гедрюса Мацкявичуса. Потом Петя уехал в Норвегию, где стал очень известным режиссером и художником мультипликации.

* * *

Вторая моя близкая подруга, Женечка Боголюбова, работала вместе с мультипликатором Сережей Олифиренко, который еще совсем юным делал вместе с нами фильм «Волк и семеро козлят...», затем его пригласили на «Союзмультфильм». Сережа стал блестящим аниматором и ярким режиссером, Женя была у него художником.

Рабочий союз стал и семейным: Женя и Сережа поженились. С тех пор началась наша дружба уже впятером: Валя, Петя, Женя, Сережа и я. Мы все обожали друг друга и часто собирались, хотя материальная сторона нашей жизни была совершенно условной: тех крошечных гонораров, что мы в то время получали, нам абсолютно не хватало.

Сережа был не только блистательным мультипликатором, но также изумительно лепил, рисовал и занимался резьбой по кости. Как-то, в очень трудную для нас минуту, он из бильярдного шара вырезал шар опять же, только поменьше, на который взбирается, растопырив лапки, хин, китайская пушистая собачка. Причем у нее были вырезаны все коготки, каждая шерстинка, даже подушечки на лапках были видны! Заточенная штопальная игла служила для него резцом. Готовый шар был выварен в дубовой коре и приобрел желтоватый, как бы старинный оттенок. Затем он был прокален в духовке, в результате получил еще и трещину. В комиссии шар приняли за китайскую работу какого-то там века, он был продан и появились, наконец, какие-то деньги.

* * *

Однажды, выйдя впятером на ступеньки МХАТа им. Горького после премьеры спектакля Эфроса «Тартюф» (1981 г.), где Валя блистала костюмами, мы вздохнули полной грудью, порылись в карманах и, не найдя денег на такси и «банкет», дружно решили ехать на «Подъяческую». Так мы обозначали мой дом, вспоминая сказку Салтыкова-Щедрина «Как один мужик двух генералов прокормил». Попадая в квартиру, можно было всегда что-нибудь в ее недрах найти, сварить, погрызть. Поэтому мы говорили друг другу: «Ну что, на Подъяческую?» И дружными рядами направлялись ко мне.

На Подъяческой Петька восседал на тахте (из его пышной прически торчали кисточки и карандаши), и они с Сережкой играли в созданный ими «Морской бой». Сережка не поленился сделать сундучок с монетами с Петиним профилем (в честь его 25-летия), которые отчеканивал каблуком на кухне через какую-то форму, слегка позолотил, и они служили для покупки всяких пиратских судов. Была нарисована гигантская карта, которая раскладывалась на столе и над которой все нависали, в том числе и дети. Была коробка с кораблями различными. Существовали правила игры. И даже когда мужчины пили кофе и ставили чашки на эту карту (она занимала весь стол), то кофейные следы потом подрисовывались, и вносилось какое-нибудь новое географическое название, к примеру, архипелаг Сапегина или остров Олифиренко (долгое время я эту карту хранила, а потом передала Женечке в семью, как нерукоотворную память).

Стреляющие помповыми шариками ружья переделывались (усиливался корпус, чтобы шарики стреляли более мощно), в результате

чего у детей после сражений по всему телу были горохами синяки. Из бамбуковых палок был построен и расписан вигвам до потолка, который раскладывался и внутрь которого можно было залезать. Были ордена, слепленные со всеми подробностями. Имелось знамя полковое. Баталии проходили у меня в коридоре. Причем взрослые играли наравне с детьми (нашими и соседскими), и было полное ощущение, что им всем лет по четырнадцать!

Закрывшись с Валечкой и Женечкой на кухне, мы пытались поговорить об искусстве, о занавесочках, еще о чем-то для женщин приятном, в то время как из глубины квартиры доносилась пальба и слышались возгласы: «Ура!» Кто-то брал штурмом ту или другую сторону коридора, стреляли лежа на полу, это было нечто! Самыми счастливыми были дети. Но и мужья моих подруг от них не отставали и обижались, если дети побеждали, так как пытались по-настоящему одержать над ними верх! Затем карта складывалась, все пряталось на свои места, и, счастливые, все расходились по домам.

Это был какой-то детский сад – гигантский, но удивительно творческий! Дети видели, как взрослые у них глазах создают карты, ордена, что-то обсуждают. Безусловно, какие-то элементы инфантилизма при этом, может, и были, но все делали серьезную работу: кто спектакли, кто фильмы. Это было как бы продолженное детство. Сейчас я думаю: «И где мы все здесь помещались? И как Подъяческая выдерживала все это?» Но то были «любви прекрасные моменты...» Считаю, что дети получили большой заряд от такого знакомства!

Марианна и Ирочка

Мой сын Илья учился в английской школе на проспекте Мира. Класс был, как впоследствии оказалось, весьма незаурядный. В первом классе преподавала Заслуженная учительница СССР строгих нравов. На родительских собраниях звучала пластинка «С чего начинается Родина?». На меня это действовало угнетающе, и я садилась на последнюю парту. Однажды ко мне подседа особа с выразительным лицом исполнительницы испанского фламенко, сказала, что она разделяет мои эмоции. Так началась наша дружба с Марианной (мне нравится, как она поет, чувствует скульптурную форму предметов, цвет, живопись). Мы подружились и с ее соседкой Ирочкой, совершенной феей. Она возила свою дочку Вику в Мытищи в художественную школу к Евгению Андреевичу (преемственность). У Ирочки удивительное чувство красоты и гармонии, умение видеть индивидуальность в искусстве. Несмотря на другую профессию, она знаток живописи, рисунка и т.д. Коллекционирует русский фарфор, приобретая изысканные

по форме скульптуры, а не просто «статуэтки». Нельзя не упомянуть трепетность ее души, утонченность, порядочность. Настоящий друг.

Все мы жили скромно и бедно, но не замечали этого (очереды за «едой», яблоками и т.д.). Однако времена менялись... У Марианны материальные обстоятельства «потеплели». С мужем Толей они решили от всей души сделать мне приятное.

Урок жизни от Марианны

Возвращалась от них домой, подошел трамвай. Марианна вручает мне конверт – «От нас с Толей. Делай с этим что захочешь!» Я вспыхнула, стала открепиваться от подарка, не привыкнув принимать дары. Поэтому Марианна в последнюю минуту положила деньги на заднее сидение трамвая, думая, что я никуда уже не денусь. Тут в трамвай запрыгнула какая-то шпана, схватила конверт, вылетела с ним на улицу и, гогоча, побежала прочь. Наверное, наблюдали за нами.

Немая сцена: я, смущенная ужасно, стою у первых дверей, и Марианна, растерянная, что я сразу не взяла эти деньги... Потом мы смеялись, конечно, и расстались в хорошем расположении духа, посчитав: пусть будет так, пусть мальчишки получают это искушение, но это уже будет их выбор! И мы пришли к выводу, что когда тебе что-то дают от чистого сердца, то нужно это спокойно принять. Иногда следует смирять свою гордыню. Ведь тебе же приятно, когда ты сам можешь так сделать!

Илья & Со

Илья учился в Художественно-педагогическом училище. Группа уникальная! Покинувшие школу после девятого класса «неудачники» были все, как на подбор, из интеллигентнейших семей – Ваня Авалиани, Коля Лебедев, Костя Михайлов, Миша Ухов и т.д.

Ваня решил украсить чудовищный туалет «фресками» – котами и цветами. Директриса воскликнула: «Запомните, училище начинается с туалета! Все закрасить!» Усвоив эту истину, мы решили заниматься изобразительным искусством «на стороне». Нас пустила в мастерскую Таня Нещерет. Это во дворе американского посольства в знаменитом доме-корабле архитектора Гинцбурга (памятник архитектуры, мечтающий о реставрации).

Интересно,

что у этого архитектора только два проекта (второй дом-корабль в Севастополе, стоящий на берегу моря), но они прославили его на весь мир.

Занимались года четыре. Собирались за круглым столом за чаем, обсуждали выставки, картины, порой упражнялись в натюрмортах, ставя их, по очереди, из строительного мусора, разных предметов. Развивали способность креативно мыслить, спонтанно ориентироваться в предложенных обстоятельствах. Ребята выросли, возникло братство.

Потом все поступили в институты. Кто стал сценографом, кто фотографом, кто занялся компьютерным дизайном, рекламой. Все вышли в люди.

Жучка

Однажды мы с Марианной ехали в троллейбусе по Марьиной роще. Было довольно студено – октябрь или ноябрь. Вдруг под одним сиденьем заметили лохматенькую беленькую собачку. Марианна отщипнула кусочек сыра и положила ей. Собачка не взяла, отошла и деликатно села в сторонке. Подъезжая к нашей остановке, мы увидели, что собачка встала к дверям.

Все вместе вышли из троллейбуса, направились к моему дому. Собачка побежала впереди нас, все время оглядываясь.

Настроение было замечательное. Подруга сказала: «Возьми собачку!» – Я стала отнекиваться. Собачка бежала по-прежнему впереди и оглядывалась.

Ближе к дому, так и не определившись, как быть с собачкой, мы решили свернуть в сторону. Но она быстро сориентировалась, обогнала нас, и когда мы вошли в подъезд, уже сидела в уголке лифта. Глаза ее неотрывно глядели на нас, по бокам висели ушки с кисточками. Конечно же, мы вошли в лифт и приехали ко мне домой. Собачка осталась. Мы с Ильей выкупали ее. Она спала двое суток.

Многие собачники знают, какие моменты бывают с собачками в столь юном возрасте (моей тогда было месяцев шесть). Некоторые злодеяния были просто ужасны, особенно последнее, случившееся на моем письменном столе, где лежали журналы по декоративному искусству, на которых образовалась гигантская лужа. Марианна сказала: «Гони! Ничего хорошего не будет!» Но сердце мое дрогнуло, и собачка осталась. Назвала я ее Жучкой.

Злодеяние на письменном столе оказалось последним. С того дня началась совершенно иная жизнь! Жучка стала чуть-чуть обрастать шерстью, появились усишки, увеличились на ушах кисточки. Она превратилась в очаровательную терьеристую собачку со смысленными глазами и абсолютно благородным поведением. Считаю, что я прожила с ней счастливую жизнь! Я уважала ее и всегда извинялась, если задевала

ее, допустим, какими-то планшетами. Глядя ей в глаза, ты понимал, что это существо, которому непозволительно кидать еду на пол...

Все мои друзья Жучку любили. Мало того, с годами я поняла, что не я забочусь о ней, а она печется обо мне! Потому что когда я стучала молотком, натягивала холст на подрамник или отпиливала что-то пилой, Жучка спала у себя в «резиденции», можно было слышать ее по-свистывание. Но стоило мне прекратить работать, сесть, подперев рукой щеку и о чем-то задуматься, глядя в одну точку, в коридоре раздавалось: цок-цок-цок-цок-цок! Коготки. Из-за угла появлялась мордочка с висящими ушками, и удивительно пронзительный, внимательный взгляд вопрошал: «Люда, у тебя все в порядке?» – Я смущалась и отвечала: «Жучка, все хорошо! Я просто сижу, думаю!»

Жучка мужественно ездил со мной в Крым. Отважно обгавкивала в дороге контроль, а однажды даже спряталась под одеяло и, наоборот, молчала, когда пришла таможня. Обычно в дороге я стелила ей на столик одеяло, она ложилась на него и обожала смотреть в окно.

О недооценке интеллекта у животных

В Севастополе у меня был юный ученик Витя, за которым обычно приходила моя подруга, суперхирург-травматолог Юлия Дзицкая. Иногда она подрабатывала в «ветеринарке», поэтому часто после урока подвергала Жучку медосмотру.

Моя мама пошла с нашей собачкой погулять – и потеряла Жучку! Звали с балкона: «Жучка! Жучка!» Тишина.

Во время урока приходит мысль, не у моего ли брата Жени, живущего на этой же улице, она. Звоню: «Не сидит ли у тебя на лестнице визитер?» И точно – у него под дверью сидит наша собачка. Брат затащил гостью домой, накормил.

Предполагаемые мысли Жучки: «Пришел Витька, за ним пойдет Юлька и будет заглядывать в уши, в попу, в пасть! Нужно смываться к Жене! Бежать!» Представляю ее одинокую фигурку, бредущую по улице прятаться.

Мама моя была потрясена этой историей: неужели собака могла сообразить и так поступить?! Я же в очередной раз убедилась, что животные своим интеллектом дадут фору некоторым людям.

Материнский инстинкт

Когда Жучке было лет пять, мы решили, что ей стоит размножиться. С таким же терьером, только другой масти. Случился роман, стали ждать щенков. Все кончилось печально, пришлось срочно делать в клинике кесарево сечение.

Вскоре в нашем подъезде завелся крошечный котенок. Никто не рискнул брать его к себе домой, и он часто лежал в кресле, стоявшем у нас в подъезде. После упомянутого грустного медицинского события Жучка вдруг увидела маленького котенка, запрыгнула к нему в кресло, подпихнула его себе под живот и легла над малышом, обняв его двумя лапами. У нее, похоже, сохранился в памяти опыт неудачного материнства. Я не могла увести ее домой! А все, кто возвращался с работы, видя эту сцену, испытывали чувства от умиления до потрясения.

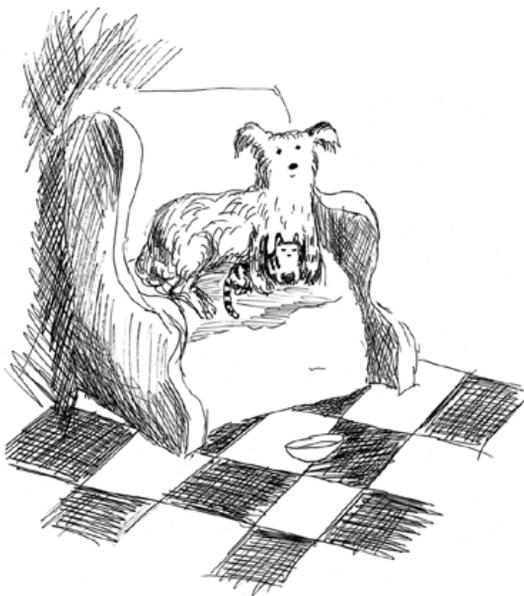

Паршивец, Васька

Любовь эта распространилась в Севастополе и на дворового кота Ваську, который по лозам винограда лазал к нам на третий этаж. Предварительно написав в цветочный горшок на балконе, он при свете луны входил в комнату, шел по шкафчику, потом прыгал на тахту, где я сплю. За моей спиной, в ногах, лежала и бодрствовала Жучка. В темноте было видно, как у нее дрожат уши и морда вытянулась по направлению к Ваське! Кот, нахально задрав хвост, прошел вокруг меня по спинке тахты, прыгнул туда, где лежала Жучка, лег за мои ноги и положил ей на спину свой мордас. Она не проронила ни звука и до утра не сомкнула глаз! А Васька дрых, чуть ли не храпел! Наглость – чудовищная! Потом он проверил, естественно, ее кормушку и, уже в предрассветных лучах, покинул нас.

«Ну и Васька, – подумала я, – экий паршивец!» Было понятно, что хоть он и кот, но, видимо, волновал Жучкину кровь! Это была какая-то мощная кошачья особь! Потому что навещал он не только нас. Спустившись опять же по лозе винограда до второго этажа, Васька проходил по газовой трубе на балкон, где жила громадная овчарка, которая, как и Жучка, тоже молчала. Он влезал к ним в квартиру, съедал все из ее миски, выбирался на балкон и растворялся в утреннем тумане. Та овчарка (ей стоило только зубами клацнуть!) тоже безропотно и влюбленно глядела на него.

Бездомный тот кот шмонал ночью по балконам, проверяя, где что лежит. Однажды он съел все рыбное заливное, стоявшее на пятом этаже, что стало последней каплей: лозу виноградную, по которой он лазал, спилили.

Жучка прожила восемнадцать с половиной лет. Я благодарна судьбе, что она была в моей жизни! Моя мама сказала: «Я поняла, почему собаки долго не живут: они проживают нашу жизнь!» Она абсолютно права! От беспокойства за нас у них сгорает психика, уходит здоровье.

В одном из дворов, где мы гуляли с Жучкой, дворник-женщина, глядя на нас, прогуливающих, вдруг сказала: «Собаки – последние ангелы на Земле!» Кажется, это слова Экзюпери.

Открыть в себе дар

В один из моих заездов в Крым Севастопольское телевидение решило взять у меня интервью. Мой балкон, полоска моря, и я делюсь своими эмоциями. Вспоминая Евгения Андреевича, упомянула, что он всех брал без экзаменов, считая, что в каждом человеке сидит художник (от себя добавлю: еще много кто сидит, просто люди об этом не задумываются и не подозревают в себе такую данность).

Чтобы проиллюстрировать это, сказала: «Мы все, наверное, замечали за собой, что подходя к обычному развалу овощей или фруктов на рынке, невольно выбираем что-то красивое из того, что предложено. Вот тыквы лежат: они все разных форм, восхитительные, ну просто скульптуры Генри Мура! Мы перебираем их взглядом: какая красивая!

Эта – похожа на грушу, та – зеленая, с рубцами чудными, третья – вообще какое-то архитектурное сооружение!

Примерно так же ведут себя люди, покупая, допустим, павлово-посадские платки или шали, ковры. Они же все – разной композиции! Недаром одни из них приобретают, а другие – нет! Это значит, что в человеке сидит художник».

В общем, я что-то пространно на эту тему говорила...

На следующее утро зашла в лавку купить фрукты. Продавец взял меня вдруг за руку и спрашивает: «Скажите, это Вы вчера выступали по телевизору?» – Смутившись, отвечаю: «Да!» – Она: «Как Вы точно сказали! Я тоже, когда бываю на рынке, внимательно и с интересом разглядываю, какие яблоки какой формы, какие там тыквы или рыбы... Значит, во мне тоже немножко сидит художник?» – «Конечно! Просто мы сами за собой этого не замечаем!» Как она осветилась радостью! Я и не предполагала, что может быть такой неожиданный резонанс. Для меня это была просто награда.

Вот другой пример. Моя однокашница Лариса Наумова склонила однажды свою маму расписать старый сундук, пытаюсь найти «истоки» себя. Удивление и восторг! Мама, никогда раньше не рисовавшая, расписала его георгинами и другими цветами очень красиво и живописно, но это выяснилось лишь потому, что ее вынудили. Никто не знает, сколько в нас сокрыто талантов.

Мой друг Алик Клидзю из Севастополя потомственный водолаз, тем не менее – блестящий фотограф, обладающий даром репортерской съемки, снявший сам несколько мультфильмов с великолепным музыкальным сопровождением. Считаю его одним из лучших фотографов Крыма, а ведь он не профи.

В каждом есть художник! Главное открыть в себе этот дар и развить его!

Напоследок дам слово...

Разбирая домашний архив, наткнулась на статью Учителя (такую теплую!), опубликованную в газете «Московский художник» в ноябре 1991 года и посвященную всем нам, его ученикам, и мне, в частности. Пусть это будет несколько нескромно, но хочется закончить именно ей (хотя о многих и многом надо было бы еще рассказать).

ТАНАСЯ

Много лет тому назад в аудитории только что открывшейся детской художественной школы Севастополя среди чудесных мордашек, жаждущих приобщиться к таинствам художественного

творчества, появилась этакая пропитанная ароматами Японского моря девочка. Звали ее Люда. Фамилия – Танасенко. В одночасье став ученицей группы переростков, обрела она, созвучное ее творческому пути, прозвище «Танася».

Признаться, не было у меня, тогдашнего педагога и директора художественной школы, даже тайной надежды, что кто-нибудь из питомцев, в том числе и Танася, будут когда-либо профессиональными художниками. Тем более хорошими. Тем более замечательными.

Судьба распорядилась иначе: из того первого набора школы вышли достойные внимания и уважения мастера искусств – архитекторы, живописцы, прикладники.

Едва ли найдется художник, взошедший на Олимп с легкостью. Не миновала тернистого пути и Людмила Танасенко. С достойной самоотверженностью она прошла этот путь, чтобы одарить взыскательного и художественно развитого зрителя прекраснейшими творениями в живописи, графике, в мультипликации. <... > Она повествует о теплоте, щедрости, красоте мира вокруг нас в ключе того подлинного индивидуального мифологизма, который есть суть смысла Художника. Радостно, что в переизбыточном впечатлении негативного нашего бытия есть певец не иллюзорного, но подлинного счастья: счастья художественных открытий, постижений, преображений.

Дай Бог ей многих новых работ, встреч со зрителем. Жаль, что я не миллионер или хотя бы директор крупного музея: я бы все ее вещи – солнцеликие, солнцезлучающие превратил бы в персональный экспозиционный зал во славу нашего поколения и на радость грядущих.

Бывший художник-педагог Людмилы Танасенко –
экспонента персональной выставки на Беговой
Евг. Кольченко

Когда Евгений Андреевич сетовал, что у всех нас трудно сложилась судьба, я самым искренним образом отвечала ему тогда и повторю сегодня: «Я не поменяю ни одного микрона своей престранно бурной жизни!»

Закончить это короткое путешествие во времени хочу словами любви ко всем моим близким и друзьям. К тем, кто присутствует на этих страницах, и ко всем, кто остался за кадром, но от этого ничуть не менее важен и любим мною. Особая благодарность – Наталье Багровой из Петербурга, без профессионального, дружеского и сердечного участия которой не было бы сего литературного подвига.

ОБ АВТОРЕ

БИОГРАФИЯ

- 1944 Родилась на Дальнем Востоке в семье военного в г. Советская Гавань.
- 1963 Окончила Севастопольскую художественную школу у педагога Е.А. Кольченко.
- 1967 Преподавала рисование в школе, работала в НИИХП (лаборатория керамики), в Московском областном театре кукол.
- 1972 Окончила Московский полиграфический институт, факультет художественного оформления печатной продукции. Участвовала во всесоюзных, республиканских, московских, персональных выставках.
- 1973-94 Художник-постановщик студии «Мульттелефильм» творческого объединения «Экран».
- 1978 Член Союза художников.
- 1989 Член Союза кинематографистов.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

- 1972 «Мастер из Кламси», реж. В. Курчевский, фактурная обработка кукол
- 1974 «Волшебник Изумрудного города» – фильм «Корабль старого моряка» (седьмая серия), реж. К. Сулакаури, ассистент художника-постановщика
- 1974 «Здравствуйте, тетя лиса!», реж. Л. Аристов, «Я вам покажу!», реж. Л. Аристов
- 1975 «Волк и семеро козлят на новый лад», реж. Л. Аристов, здесь – художник-постановщик
- 1976 «Репетиция», реж. Л. Аристов
«Заколдованное слово», реж. Л. Аристов
- 1977 «Мумми-тролль и комета», реж. Н. Шорина
- 1978 «Мумми-тролль и комета. Путь домой» (фильм 2), реж. Н. Шорина
- 1979 «Про щенка», реж. Б. Аблынин, художник-постановщик (совместно с Е.Боголюбовой)
«Большой секрет для маленькой компании», реж. Ю. Калишер
- 1980 «Новогоднее приключение», реж. Ю. Калишер
- 1981 «Мальчик шел, сова летела», реж. Ю. Калишер
- 1982 «Рождение Геракла», реж. Ю. Калишер
«Новогодняя песенка Деда Мороза», реж. А. Татарский
- 1983 «Падал прошлогодний снег», реж. А. Татарский
«Синичкин календарь» (зима), «Синичкин календарь» (весна), реж. Ю. Калишер

ФИЛЬМОГРАФИЯ

- 1984 «Синичкин календарь» (лето), «Синичкин календарь» (осень), реж. Ю. Калишер
- 1985 «Чужая шуба», реж. О. Розовская
«Зачем верблюду апельсин?», «Песня о летучих мышах», реж. Ю. Калишер
- 1986 «Сундук», реж. Ю. Калишер
«Школа помощников» (часть 1, 2), реж. Ю. Калишер, О. Розовская
- 1987 «Ах, принцесса...», реж. Ю. Калишер
- 1988 «Босой ученый», реж. Ю. Калишер
- 1989 «Золотые слова», реж. Ю. Калишер
- 1990 «Тюк», реж. Ю. Калишер
- 1991 «Послушный ученик», реж. Ю. Калишер
- 1992 «Сиротка Энни», реж. Ю. Калишер
- 1993 «Война слонов и носорогов», реж. Ю. Калишер
- 1994 «Под небом голубым», реж. Ю. Калишер

ВЫСТАВКИ

- Участник более 60 выставок, в том числе Всесоюзных и международных, некоторые из них:
- 1978 Выставка трех выпускников Полиграфического института (Л. Танасенко, П. Рогачева, О. Кокина) – Москва, выставочный зал Объединения молодых художников и искусствоведов при МОСХе на улице Жолтовского
- 1991 Персональная выставка «Людмила Танасенко. Живопись. Графика. Кинодекорационное искусство» – Выставочный зал МОСХа на Беговой
- 1994 «Альтернатива», конкурс и благотворительная выставка – Москва, галерея «На Солянке»
- 2005 Театральная выставка – Москва, галерея «Кузнецкий мост»
- 2007 Персональная выставка «Большой секрет для маленькой компании» (85 работ) – Москва, галерея «На Солянке»
- 2007 Юбилейная выставка МОСХа – Москва, Выставочный комплекс «Манеж»
- 2012 Выставка выпускников Полиграфического института – Москва, галерея «Кузнецкий мост»
- 2014 Юбилейная выставка – Москва, Дом кино, Белый зал

Произведения Людмилы Танасенко представлены в фондах музеев и частных коллекциях в России, Англии, Канаде, Швеции, Франции, Дании.

Танасенко Л.С.
Секрет для маленькой компании. —
М.: ООО «_____», 2014. — 104 с.: ил.

М-
ISBN
УДК
ББК

Секрет для маленькой компании.

Автор: Л.С. Танасенко
Редактор-составитель:
Н.Г. Багрова
Макет, верстка:
В.Г. Луганский

© Л.С. Танасенко, 2014.

Подписано в печать 5.12.2014. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура «Sandaga». Печать офсетная.
Печ. л. 6,5. Тираж 400 экз. Зак. №3245

ООО «ИПП «КУНА», 2014.

Отпечатано в типографии
ООО «Типография «Парадиз», 2014.